
АВРОРА СТИЛЗ
Я РЯДОМ,
СЛЫШИШЬ?

Аврора Стилз

Я рядом, слышишь?

«Литнет»
2026

Стилз А.

Я рядом, слышишь? / А. Стилз — «Литнет», 2026

Мир не взорвался. Он затих. Птицы умолкли первыми. Затем — собаки. Теперь молчат люди.Вера держит сестру за руку и не отпускает. Надя — единственное, ради чего она ещё не сломалась. Их мать идёт впереди, всматриваясь в темноту между деревьями. Она знает, что отец не вернётся. Она знает, что вирус убивает не всех — некоторые просто исчезают.В пятидесяти километрах отсюда — бункер. Там ждёт чужой человек, которого мать когда-то любила. Там, возможно, есть еда, вода и стены, которые не пропускают тьму. Но чтобы дойти, нужно пройти через лес. А в лесу живут не только звери.«Я рядом. Слышишь?» — шепчет Вера каждый раз, когда Надя начинает плакать. Однажды лес ответит.

© Стилз А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 8
Глава 3. 11
Глава 4. 14
Глава 5. 17
Глава 6. 18
Глава 7. 20
Глава 8. 21
Глава 9. 22
Глава 10. 23
Глава 11. 26
Глава 12. 29
Глава 13. 30
Глава 14. 32
Глава 15. 36
Глава 16. 39
Глава 17. 43
Глава 18. 46
Глава 19. 49
Глава 20. 51
Глава 21. 53
Глава 22. 55
Глава 23. 58
Глава 24. 60
Глава 25. 63
Глава 26. 66
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Глава 1.

Вера сидела на подоконнике и смотрела в щель между досками, которыми отец заколотил окно на второй день после того, как в квартире напротив кто-то закричал и не замолкал до самого утра.

За тонкой полоской стекла кончался мир.

Не с треском и не со взрывом — он просто выдохся, как старая батарейка. Двор был завален листвой, которую никто не убирал. Качели во дворе раскачивались от ветра, и это было страшнее всего — пустые качели, которые двигались сами по себе.

Вера прижимала к груди кухонный нож. Маленький. Остальные папа забрал.

Восемь уходов. Восемь раз он надевал рюкзак, целовал её в лоб и уходил. Всегда возвращался под утро — уставший, злой, почти всегда с пустыми руками. Один раз принёс пару банок консервов. Другой — коробку спичек и немного лекарств. Третий — ничего, только синяк под глазом и рассказ про то, как убегал от кого-то.

Но он возвращался.

Девятый раз стал другим.

Он ушёл на складской комплекс в промзоне. Вера слышала, как он говорил матери: «Там должны быть запасы. Я знаю, я уверен.»

Мать не хотела его отпускать. Вера помнила их голоса за стеной — тихие, злые, испуганные.

— Слишком далеко, — говорила мать.

— Я вернусь к утру.

— Если что-то случится…

— Ничего не случится. Я знаю туда дорогу и буду осторожен.

Он поцеловал Веру в лоб. Борода кололась. От него пахло машинным маслом и потом.

— Я быстро, — сказал он. — Ты за старшую.

— Береги сестру, — закончила за него Вера.

Папа улыбнулся краем губ. Потом задержал взгляд на ней — слишком долго, как будто хотел запомнить. И ушёл.

Вера села у заколоченного окна и стала ждать.

Прошёл час. Два. Три. Четыре.

Мать не спала — сидела на продавленном диване, сжимая в руках нож для мяса. В доме мяса не было уже очень-очень давно, но нож остался.

Утро пришло серое и тяжёлое.

Папа не вернулся.

— Задержался, — сказала мать. — Наверное, нашёл что-то. Решил взять побольше.

Вера кивнула. Она не верила. Но кивнула.

День пополз по стенам. Надя проснулась, спросила про папу. Вера сказала: «Ушёл на склад. Вернётся с консервами». Надя успокоилась и достала зайца с оторванным ухом — любимую игрушку, которую хранила с самого рождения и не решалась выбросить.

На второй день Вера перестала надеяться.

Не сразу. Сначала тонкая ниточка — «ну мог же он заблудиться, мог спрятаться от тварей, мог ждать, пока стемнеет». Но ниточка порвалась к полудню.

В доме было тихо. Так тихо, что Вера слышала, как на пятом этаже кто-то ходит. Не люди — там уже никто не жил. Но каждую ночь снизу доносились шаги. Тяжёлые. Медленные.

Мать говорила, что это ветер. Вера не верила.

Она сидела у окна уже третью ночь, когда мать наконец заговорила.

— Ты не спишь? — спросила Вера, не оборачиваясь.

— Нет.

Мать сидела на диване, прижавшись спиной к стене. Волосы спутаны, лицо серое, под глазами — синие круги. Нож лежал у неё на коленях.

— Слышала что-нибудь? — спросила мать.

— Ничего.

На матрасе завозилась Надя. Семь лет. Светлые волосы разметались по подушке. Она спала с открытым ртом — Вера не понимала, как можно быть такой беззащитной в мире, где любая дверь может открыться и принести смерть.

— Надь, — позвала Вера. — Вставай.

— А папа? — сонно прошептала Надя.

— Папа ушёл на склад. Нас догонит.

Вера сказала это на автомате. Ложь, которую они с матерью репетировали последние сутки.

Но сегодня мать не стала повторять.

— Надя, — сказала она. Голос стал другим. Твёрже. — Мы уходим.

Вера обернулась.

— Куда? — спросила Надя.

— В безопасное место.

— А папа? Он придёт, а нас не будет.

— Он знает, где нас найти.

Мать сказала это гладко, как заученный урок. Вера поняла — она репетировала не только ложь для Нади. Она репетировала это решение. Для себя.

— Бункер, — сказала мать, глядя на Веру. Прямо. — В пятидесяти километрах отсюда. У моего первого мужа.

— У тебя был первый муж? — вырвалось у Веры.

— Да. И вы не знали, потому что не должны были. А теперь должна знать ты, потому что если я не дойду — туда пойдёшь ты.

Вера молчала. В груди разрастался холод.

— Еды нет, — продолжала мать. — Воды — на два дня. Ножей — два. Если останемся — умрём. Не от вируса. От голода.

— А если папа вернётся?

— Он не вернётся.

Мать сказала это так, как будто ставила точку в конце письма. Без злости. Без боли. Просто констатация факта.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Вера.

Мать посмотрела на неё. Долго. Потом опустила глаза.

— Потому что он не может вернуться. Даже если хочет.

— Что это значит?

— Это значит, что я не знаю, жив он или мёртв. Но ждать больше нельзя.

Мать наклонилась к рюкзаку и начала собирать вещи. Быстро, резко, как человек, который боится, что если остановится — сломается.

Вера смотрела на неё и впервые заметила, что мать плачет. Беззвучно. Слёзы текли по щекам, но она не вытирала их.

— Мам, — тихо сказала Вера. — А если он просто застрял где-то? Если ему нужна помощь?

Мать замерла на секунду. Пальцы сжали лямку рюкзака.

— Тогда я вернусь за ним, — сказала она. — Когда вы будете в безопасности.

Она сказала это так, будто клялась. Вера поверила.

Мать закончила сборы за пятнадцать минут. Два рюкзака. Нож, ножницы, полбутылки воды, горсть сухарей, спички, аптечка и маленькая детская палатка, а ещё игрушка Нади.

— Обувайся, — сказала мать. — И не плачь. Слёзы привлекают тварей.

Но Надя уже заплакала — тихо, втягивая слёзы обратно в нос. Вера обняла её, прижала к себе.

— Я рядом, — прошептала она. — Слышишь?

Надя кивнула в плечо.

Они вышли на лестничную клетку. Восьмой этаж. Девятиэтажка. Внизу, на пятом, кто-то ходил. Вера слышала шаги.

Мать взяла её за руку.

— Не смотри вниз, — сказала она. — Смотри только на меня.

Они начали спускаться. Вера не смотрела вниз. Она смотрела на мать. На её спину. На нож в её руке.

И думала об отце.

Он ушёл на склад. Сказал, что вернётся к утру. Он никогда не врал.

Значит, что-то случилось. Что-то, что не дало ему вернуться.

Вера знала одно: он не бросил их. Он просто не мог прийти.

А значит, его можно было найти.

Глава 2.

Лестничная клетка пахла плесенью и чем-то сладковатым. Вера не хотела знать, чем именно.

Мать пошла первой. Каждый шаг она делала бесшумно — ставила ногу с носка, перекатывала на пятку, замирала. Вера копировала её движения, чувствуя, как икры начинают ныть уже на третьем пролёте.

Надя шла последней. Маленькая, в слишком больших ботинках, которые отец нашёл в заброшенном магазине за неделю до последнего ухода. Ботинки были мальчишеские, серые, с липучками. Надя их ненавидела. Сейчас она не жаловалась — она слишком сильно боялась.

На пятом этаже Вера услышала их снова.

Шаги.

Тяжёлые. Медленные. Они доносились откуда-то снизу — может, с четвёртого, может, с третьего. Кто-то ходил по кругу, волоча ноги. Проход туда-обратно. Туда-обратно.

Мать подняла кулак — стоп.

Они замерли.

Вера перестала дышать. Надя прижалась к её ноге, и Вера почувствовала, как мелко дрожит сестра. Зайца с оторванным ухом Надя вжала в руку так сильно, что пластиковые глаза игрушки вдавились в её ладонь, оставляя след на коже.

Шаги остановились.

Тишина стала живой. Она наползла на них, как туман, облепила лица, залезла в уши. Вера слышала, как бьётся сердце Нади. И своё собственное. Они стучали в разнобой, два испуганных барабана.

Мать медленно повернула голову и посмотрела на Веру. Взгляд был ледяной. Она поднесла палец к губам.

Вера кивнула.

Они ждали. Десять секунд. Двадцать. Минуту.

Шаги не вернулись.

Мать сделала шаг вниз. Вера — за ней. Надя — за Верой.

Они миновали пятый этаж. Потом четвёртый. На третьем Вера увидела приоткрытую дверь квартиры. Изнутри тянуло сыростью и чем-то кислым. Она не смотрела внутрь. Она смотрела только на маму, как та и велела.

На втором этаже что-то хрустнуло под ногой матери. Стекло. Мать замерла на мгновение, потом пошла дальше, оставив мелкие осколки блестеть на бетоне.

Первый этаж встретил их запахом гниющих листьев и открытого неба.

Вера не знала, когда в последний раз выходила на улицу. Мать запрещала. Окна в их квартире были заколочены, дверь заперта на два засова и подпёрта стулом. Мир за стенами существовал только в звуках — криках, шагах, иногда выстрелах.

Теперь она стояла в подъезде, и дверь на улицу была открыта.

Серый свет лился внутрь, как вода. Он делал всё плоским и мёртвым.

— Быстро, — шепнула мать. — И тихо.

Она выскользнула наружу. Вера взяла Надю за руку и потянула за собой.

Двор был пуст. Качели раскачивались от ветра — мерное, гипнотическое движение туда-сюда. Песочница заросла бурьяном. На лавочке у подъезда лежала чья-то куртка. Тёмное пятно на спине. Вера не хотела думать о том, что это было.

Мать повела их вдоль стены дома, держась теней. Их собственные тени были длинными и тощими — утро только начиналось.

— Держись за меня, — прошептала Вера Наде.

Надя молчала. Это было плохо. Надя никогда не молчала так долго.

Они прошли мимо мусорных баков, опрокинутых и проржавевших. Мимо припаркованной машины с выбитыми стёклами. Внутри на сиденье кто-то лежал. Вера не смотрела.

— Мама, — прошептала Надя.

— Тише, — резко обернулась мать.

— Я хочу пить.

— Потерпи.

Надя замолчала, но её губы задрожали.

Они дошли до конца двора. Дальше была арка, ведущая на улицу. За аркой — город. Вера видела его кусочками: обгоревший фасад, перевёрнутая машина, тёмные провалы окон.

Мать замерла у арки, выглянула, отступила, выглянула снова.

— Чисто, — сказала она.

Они пересекли улицу бегом. Вера тащила Надю за руку, и та спотыкалась на каждом шагу — ботинки были слишком большими.

— Надь, выше ноги, — шипела Вера.

— Не могу.

— Можешь.

Они нырнули в подворотню. Потом в другую. Мать вела их зигзагами, между домов, через дворы, мимо заброшенных магазинов с выбитыми витринами. Вера перестала запоминать дорогу. Она просто шла за маминой спиной и тянула за собой сестру.

Через несколько часов они вышли к лесополосе.

Город кончился не сразу. Сначала пошли частные дома с заколоченными окнами и заросшими палисадниками. Потом — пустыри, заваленные строительным мусором. Потом просто земля и деревья.

Мать остановилась на опушке.

— Передохнём пять минут, — сказала она.

Надя села прямо на землю и не шевелилась. Глаза у неё были мутные, лицо красное от усталости.

Вера присела рядом.

— Эй, — позвала она. — Ты как?

Надя не ответила.

— Надь.

— Я хочу домой, — прошептала Надя. — К папе.

— Мы идём к безопасному месту. Папа нас найдёт.

— Ты врёшь.

Вера на секунду замерла. Надя никогда не говорила ей «ты врёшь». Надя вообще никогда не сомневалась в её словах.

— Я не вру, — сказала Вера. — Мы идём туда, где нас будут ждать. А папа… папа придёт позже.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он обещал.

Вера сказала это так уверенно, что почти поверила сама.

Она достала из кармана горсть сухарей — крошево, которое осталось от вчерашнего ужина. Разломила на две части, протянула одну Наде.

— Ешь.

Надя взяла сухарь, но не съела. Сжала его в кулаке.

— У меня ноги болят, — сказала она.

— У меня тоже, — Вера улыбнулась. — Но мы же сильные, правда?

— Нет.

— Правда, — Вера сжала её ладонь. — Помнишь, папа говорил: «Сестры — это команда». Мы команда. Команда не сдаётся.

Надя посмотрела на неё. В её глазах были слёзы, но она не плакала. Она училась не плакать.

Мать поднялась.

— Вставайте. Нам нужно пройти ещё очень много.

Они вошли в лес.

Здесь было темнее, чем в городе. Деревья стояли так близко друг к другу, что ветки сплетались в сплошной полог. Солнце почти не пробивалось сквозь него. Воздух пах прелью и чем-то сладковатым — тем же запахом, что на лестничной клетке.

— Держитесь рядом, — сказала мать. — Ни звука.

Тропа была едва заметна — старая грунтовая дорога, заросшая травой. Мать шла по ней, как по нитке, не сбавляя шага.

Через полчаса Надя начала отставать.

Сначала Вера просто тянула её за руку. Потом тащила. Потом Надя споткнулась, упала на колени и не могла подняться.

— Надь, вставай, — сказала Вера.

— Не могу.

— Вставай, прошу.

— Я не могу, Вера. У меня нет сил.

Слёзы наконец потекли по её щекам. Она не всхлипывала — она просто плакала молча, как умеют плакать только дети, которые поняли, что никто не придёт на помощь.

Мать обернулась. На её лице мелькнуло что-то — боль, усталость, может быть, отчаяние. Но она быстро спрятала это.

— Неси её, — сказала мать Вере. — Только осторожно.

Вера присела на корточки. Надя обвила её шею руками, и Вера поднялась. Сестра была лёгкой — слишком лёгкой. Вера чувствовала каждую косточку через тонкую куртку.

— Так лучше? — спросила Вера.

Надя кивнула в плечо.

— Ты тяжёлая, как бегемот, — сказала Вера.

— Неправда.

— Правда. Самый тяжёлый бегемот на свете.

Надя почти улыбнулась.

Они пошли дальше. Вера несла сестру на спине, чувствуя, как горячее дыхание щекочет шею. Ноги гудели, спина болела, но она не останавливалась.

Мать шла впереди и молчала.

Лес молчал вместе с ней.

Через час Вера почувствовала, что у неё самой кончаются силы. Шаги стали короче, воздух тяжелее. Она хотела попросить мать остановиться, но не могла разжать зубы.

— Давай дальше, — вдруг сказала Надя. — Я пойду.

— Что?

— Поставь меня. Я пойду.

Вера опустила сестру на землю. Надя твёрдо встала на ноги, поправила сползающий рюкзак и взяла Веру за руку.

И они пошли.

Две девочки, взявшись за руки, за женщиной, которая несла на плечах вес всего их мира.

Лес расступался перед ними.

Но Вера знала — он смотрит.

Он всегда смотрит.

Глава 3.

Она вспомнила это внезапно.

Не потому, что хотела. Просто запах старой ткани и земли ударил в нос, и время сложилось пополам.

Тогда ещё был дом.

Настоящий дом, с целыми окнами и незаколоченной дверью. Тогда ещё работал холодильник, и мама смеялась — по-настоящему, громко, запрокидывая голову. Тогда папа не уходил в ночь, чтобы вернуться или не вернуться.

Палатку они купили за месяц до того, как всё кончилось.

Детскую, ярко-зелёную. Такую, что ставилась одним движением — раскрыл, и она сама встаёт. Надя обожала это свойство. Она заставляла папу складывать и раскладывать палатку раз пять подряд, чтобы смотреть, как ткань «оживает».

— Фокус! — кричала Надя. — Папа, покажи ещё фокус!

— Надь, хватит, — смеялся папа. — Она же порвётся.

— Не порвётся! Она волшебная!

В тот вечер они с Надей стащили из кухни одеяла, мамины подушки и все пледы, какие нашли в шкафу. Устроили базу в гостиной, прямо между диваном и телевизором. Палатку раскрыли одним щелчком — она послушно встала посередине комнаты, как зелёный домик из другой жизни.

— Мы в поход! — объявила Надя, затаскивая внутрь зайца с оторванным ухом.

— У нас есть сухой паёк, — Вера выложила на пол пакет печенья и два яблока.

— А это что?

— Компас, — Вера показала мамин браслет. — Без него в походе нельзя.

Надя посмотрела на браслет, потом на Веру, потом крепче прижала зайца.

— Ты бы уже могла без него, — сказала Вера. — Ты же не маленькая, а таскаешься с этим зайцем везде.

— Нет, я ещё маленькая, — ответила Надя привычно.

— Тебе уже семь. Большая.

— А тебе двенадцать. Ты ещё больше.

— Я почти взрослая, — гордо сказала Вера.

Мороженое принесла Вера. Два стаканчика, клубничное. Она достала их из морозилки, пока мама не видела, и они сразу начали таять — на стаканчиках выступили капли воды, пахло летом и сахаром.

Они ели прямо в палатке, сидя на подушках.

Надя торопилась. Она всегда торопилась, когда речь шла о сладком — боялась, что кто-то отнимет, хотя отнимать никто никогда не собирался. Она ковырялась ложкой и брала слишком большие куски и чавкала.

— Не чавкай, — сказала Вера.

— А я не чавкаю.

— Чавкаешь.

— Это мороженое чавкает.

Потом случилось неизбежное. Надя замахнулась ложкой слишком резко, и кусок клубничного мороженого взлетел в воздух, описал дугу и прилип к потолку палатки — розовая, быстро тающая клякса.

— Надя! — засмеялась Вера.

— Ой, — сказала Надя и закрыла рот руками.

— Теперь у нас будет пятно. Мама убьёт нас.

— Не убьёт, она добрая.

— Она добрая, но она любит порядок.

Надя посмотрела на потолок палатки, где медленно таяла розовая капля, и серьёзно сказала:

— Это будет наша память о походе.

Тогда вошла мама. В халате, с мокрыми волосами после душа. Увидела палатку посреди гостиной, одеяла, пледы, крошки печенья и две пары ног, торчащие из зелёного нейлона.

— Что вы тут делаете? — рассмеялась она.

— Играем в поход! — крикнули девочки хором.

— Вы что тут спать собрались?

— Да! — Надя высунула голову из палатки. — У нас есть сухой паёк и компас.

— И мороженое, — добавила Вера.

— Мороженое в походе? — мама притворно нахмурилась. — Это противоречит уставу.

— Какому уставу?

— Походному, — мама села на пол рядом с палаткой и заглянула внутрь. — Там написано: «Мороженое есть только у костра».

— А костра нет, — расстроилась Надя.

— Значит, придётся сделать вид.

Мама легла на живот, просунула руку в палатку и погладила Надю по голове. Потом посмотрела на потолок, увидела розовую кляксу и засмеялась снова — так, что на глазах выступили слёзы.

— Вы так скоро всю палатку испачкаете.

— Это Надя, — сказала Вера.

— Не я, — сказала Надя.

— А кто?

— Мороженое само взлетело.

— Мороженое не умеет летать, — вздохнула мама.

— Это было волшебное мороженое.

Мама покачала головой, улыбнулась и пошла к папе.

Вера слышала, как она зашла в спальню, как скрипнула кровать, как папа что-то сказал — не разобрать слов, только голос, тёплый и сонный.

— Они в палатке играют, — сказала мама. — В поход.

— Серьёзно? — голос папы был хриплым после работы.

— Представляешь?

Он засмеялся. Коротко, устало, но по-настоящему.

— Это у них от тебя, — сказал он.

— Вот ещё! Это как раз от тебя, — ответила мама. Вера слышала улыбку в её голосе.

Потом они замолчали. Наверное, обнялись. Взрослые всегда обнимаются, когда думают, что дети не видят.

Вера лежала в палатке, смотрела на розовое пятно на потолке и чувствовала себя счастливой.

Настоящее ударило её обратно, как пощёчина.

Палатка была та же самая.

Ярко-зелёная, детская, которая ставилась одним движением. Мать взяла её с собой, чтобы девочки могли отдохнуть во время привалов, а может быть чтобы хотя бы на мгновение спрятаться и не видеть внешнего мира, точнее того, что от него осталось.

Лес вокруг шевелился. Где-то далеко хрустнула ветка. Вера не знала, был ли это зверь или просто ветер, но она лежала не дыша, прижимая к себе Надю.

Надя спала. Усталость сморила её за минуту, как только мать расстелила спальник. Один на двоих. Дыхание было ровным, тёплым. Вера чувствовала, как поднимается и опускается грудь сестры. Заяц с оторванным ухом был зажат у Нади под мышкой — она даже во сне его не отпускала.

Мать не спала.

Она сидела у входа в палатку, втянув колени, и смотрела вверх.

Вера проследила за её взглядом.

На потолке палатки всё ещё было то самое пятно.

Клубничное, выцветшее до бледно-розового. Оно не смылось, не стёрлось, не исчезло. Оно осталось — память о мороженом, которое само взлетело.

Мать медленно подняла руку.

Пальцы дрожали, когда она коснулась пятна. Легко, почти благоговейно, как будто трогала не старую засохшую кляксу, а что-то живое. Что-то, что нельзя вернуть.

Вера видела её лицо в тусклом свете, пробивающемся сквозь ткань.

Щека матери блестела.

Слеза сползала медленно, нехотя, как будто тоже не хотела признавать, что этот мир — реальность.

Мать не вытирала её. Просто сидела, глядя на детский след на потолке, и плакала без звука.

Вера хотела что-то сказать. «Не плачь». «Всё будет хорошо». «Папа вернётся». Но все эти слова рассыпались в пыль, так и не слетев с губ.

Она просто лежала и смотрела, как мать трогает пальцами ту самую кляксу — ту, что поставила Надя в другой жизни, когда мороженое умело летать, а папа смеялся в спальне.

Снаружи лес молчал.

Но Вера слышала, как он слушает.

Он всегда слушает.

Глава 4.

Треск разорвал тишину как гнилую ткань.

Вера вздрогнула всем телом. Надя во сне что-то прошептала и прижалась ближе — даже не проснулась, но почувяла. Мать замерла, вытянув шею, как зверь, учуявший запах крови.

Тишина вернулась. Но она была другой. Не той, вязкой и сонной, а натянутой — как струна перед тем, как лопнуть.

А потом лес кашлянул.

В двух шагах от палатки, за стенкой зелёного нейлона, хрустнула ветка. Кто-то стоял там. Живой. Большой. Дышащий.

Вера не дышала сама. Она смотрела на мать, ища в её глазах ответ — зверь или человек? Человек или хуже?

Мать уже взяла нож. Вера не заметила, когда. Просто он появился в её руке — маленький, кухонный, но в этой темноте он казался мечом.

— Тихо, — одними губами сказала мать.

Надя открыла глаза.

И в тот же миг ткань палатки дрогнула — кто-то провёл по ней рукой снаружи. Медленно. Почему-то с нежностью, как гладят спящую кошку.

— Есть тут кто? — голос был мужским, низким, почти дружелюбным. — Я слышал звуки. Вы живы?

Мать не ответила. Она смотрела на силуэт, который проступал сквозь зелёную ткань — большой, грузный, нависающий.

— Я не причиню вреда, — сказал мужчина. — Я просто иду. Услышал голоса.

— У нас ничего нет, — сказала мать. Голос её был твёрже камня. — Идите своей дорогой.

— Да вы не бойтесь, — мужчина сделал шаг, и палатка качнулась. — Честное слово. Я такой же, как вы. Выживаю.

Он вышел на свет.

Луна пробилась сквозь кроны деревьев — серый, больной свет, который делал всё вокруг мёртвым и плоским. Мужчина поднял руки вверх. Жест мира.

Лет пятьдесят. Куртка старая, охотничья, в заплатах. Борода серая, небритая. Глаза глубоко посажены, блестят в темноте как у зверя — но, может быть, это просто свет. Может быть.

— Видите? — сказал он. — Пустые руки. Бояться нечего.

Он улыбнулся. Улыбка была широкая, открытая, почти детская. Вера видела такие улыбки в прошлой жизни — у добрых дедушек на скамейках, у продавцов в ларьках, у школьных охранников.

Сейчас эта улыбка застыла в воздухе как маска.

— Вы одни? — спросил он, делая шаг вперёд.

— Не подходите, — сказала мать.

— Да я просто хочу посмотреть. Мало ли, помощь нужна.

Он наклонился и попытался заглянуть в палатку. Его лицо приблизилось ко входу — Вера увидела морщины, седые волосы в ноздрях, блеск глаз, которые шарили по темноте. Он пытался рассмотреть их. Девочек. Маленьких. Беззащитных.

— А кто тут у нас? — спросил он, и в голосе появилось что-то новое. Что-то, отчего у Веры похолодел затылок.

— Девочки, сидите внутри! — скомандовала мать.

Она заслонила собой вход в палатку —спина, натянутая как струна, нож в опущенной руке.

— Вам нечего бояться! — мужчина сделал шаг назад, но не убрал улыбку. — Я вас не трону!

— Мы не будем рисковать, — сказала мать.

Она не кричала. Она говорила тихо, почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько стали, что мужчина невольно съёжился.

— Бедные, — покачал он головой, оглядывая их. Взгляд задержался на Веру, на Надю, на зайце с оторванным ухом. — Голодные, наверное. Давно не ели?

— С нами всё в порядке, — сказала мать.

— У меня тоже была дочь, — мужчина вздохнул. Глубоко, со дна груди. — Совсем маленькая. Светлые волосики, как у вашей младшей. Она умерла. В первый месяц. Я не успел.

Вера увидела, как мать дрогнула. Совсем чуть-чуть — уголок губ опустился, пальцы на руке с ножом разжались на долю секунды.

— Нам очень жаль, — сказала мать. Голос её стал чуть мягче. Совсем чуть-чуть. Настолько, что Вера почти не заметила.

— Жизнь жестокая штука, — мужчина покачал головой. — Но мы держимся. Вот я, например, иду в сторону лагеря. Ходил на разведку. Несколько семей в поселении, женщины, дети. Там безопасно, сторожевые посты, еда. Не хотите с нами?

— Нет, спасибо.

— Но вы же совсем одни, — он сделал ещё шаг вперёд. — Вам не выжить. Здесь очень много опасностей. Зверей этих… и людей всяких.

— Мы не одни, — отрезала мать.

Её голос снова стал железным.

Из палатки, не выдержав напряжения, вырвался возглас Веры.

— Скоро придёт наш папа!

Она не знала, зачем сказала это. Может быть, чтобы напугать мужчину. Может быть, чтобы напомнить самой себе. Но слова вылетели раньше, чем она успела их остановить.

Мужчина посмотрел на неё. Долго. Очень долго.

— Ах, вот оно что, — его улыбка стала шире. Или это только показалось? — Папа придёт. Ну и славно. Ладно, удачи вам, девочки.

Он бросил последний взгляд на них — скользкий, быстрый, как язык ящерицы.

— И вот, смотрите, что у меня есть, — он полез в карман. Вера услышала шуршание. — Детям же нужно сладкое, правда?

Он достал шоколадку.

Настоящая. В серебристой фольге, с красивым рисунком на обёртке.

Надя села. В первый раз за всё время она выпрямилась, как будто внутри неё что-то щёлкнуло. Её глаза расширились, и Вера увидела в них то, чего боялась больше всего — надежду.

— Вау… — прошептала Надя.

— Спасибо, — быстро сказала мать. — Нам ничего не нужно.

— Да ну бросьте! — мужчина засмеялся. — Я всё прекрасно понимаю. Голод не тётка. Это всего лишь шоколадка!

Он кинул её одним лёгким движением. Шоколадка взлетела в воздух, блеснула фольгой в лунном свете и упала прямо внутрь палатки.

Надя схватила её раньше, чем Вера успела моргнуть.

— Девочки, нет! — крикнула мать.

Но Вера уже действовала. Она вырвала шоколадку из рук Нади — та заверещала, попыталась отбиться, но Вера держала крепко.

— Отдай! — зашипела Надя. — Это моё!

— Нет, — Вера сжала шоколадку в кулаке. — Нельзя.

— Дядя сказал, что можно!

— А мама сказала, что нельзя, значит нельзя! — Вера посмотрела на мать.

Мать не оборачивалась. Она смотрела на мужчину. Впилась в него взглядом, как клещ.

— Идите, — сказала она. — Мы сами справимся.

Мужчина стоял ещё секунду. Улыбался. Кивал.

— Ладно, ладно. Я пойду. Только вы там осторожнее, девочки. Лес большой. А добрых людей в нём мало.

Он развернулся и двинулся в чащу. Не спеша, тяжело переставляя ноги. Куртка шуршала по веткам.

— Мама, — сказала Надя, когда шаги стали тише. — Он выглядел добрым. Почему ты его прогнала? У него были такие грустные глаза.

Мать не ответила. Она стояла и смотрела в ту сторону, где скрылся мужчина.

— Мам, — позвала Вера. Беспокойство поднималось в груди, как кислота. — Мам, ты куда?

Мать повернулась. Её лицо было белым, как фольга от шоколадки. Глаза — чёрными, глубокими, как колодцы.

— Сидите здесь, — сказала она. — И ни звука.

— Мам, мне страшно, — Надя заплакала. — Не уходи.

— Сидите тихо.

Она сказала это так, что Надя замолчала на полуслове.

Мать посмотрела на Веру. Один короткий взгляд. В нём было всё: «береги сестру», «я вернусь», «если не вернусь — беги» и ещё что-то, чего Вера не смогла прочитать.

— Мам, — прошептала Вера.

Но мать уже уходила.

Она скользнула между деревьями так же бесшумно, как ходила по лестнице в пустой многоэтажке. Нож в опущенной руке. Спина прямая. Ни шагу назад.

— Я справлюсь, — прошептала Вера вслед. Но мать её не слышала.

Она уже растворилась в темноте, там, где только что стоял «добрый дядя», у которого была дочь со светлыми волосиками и который так хотел угостить их шоколадом.

Лес сомкнулся за её спиной.

Надя заплакала в голос. Вера прижала её к себе, зажала рот ладонью.

— Тише, — сказала Вера. — Тише.

И сама прислушалась.

Где-то в глубине леса хрустнула ветка. Потом ещё одна. А потом наступила тишина, такая густая, что Вера слышала, как бьётся её собственное сердце.

Мать ушла.

Теперь они одни.

Глава 5.

Лес глотал её шаги.

Лида шла за мужчиной, не отставая и не приближаясь. Она двигалась так тихо, как умела только она — мать двоих детей, которая научилась красться по лестнице в пустой многоэтажке, чтобы не разбудить тварей на пятом этаже.

Мужчина не слышал её.

Он шёл медленно, грузно, иногда останавливался, прислушивался. Лида замерла за деревом, сжимая нож.

«Что я делаю?» — пронеслось в голове.

Она не знала. Она никогда не думала, что способна на такое. До вируса она была мягкой. Слишком мягкой. Друзья говорили, что у неё нет характера. Муж — что она слишком всем доверяет. Коллеги пользовались её добротой, подруги садились на шею, соседи вешали свои проблемы.

Она никогда никому не говорила «нет».

Кроме мужа. Только ему могла возразить. Только с ним могла спорить до хрипоты, до слёз, до битья посуды.

Но сейчас — сейчас она шла за человеком, чтобы убить его.

Руки дрожали. Нож казался чужим — тяжёлым, неправильным, как будто она держала не кухонный инструмент, а что-то живое, что вырывалось и не хотело слушаться.

«Он сказал, что у него была дочь», — подумала Лида.

Сердце сжалось. Маленькая девочка со светлыми волосами, как у Нади. Она умерла. Он не успел.

«А вдруг он правда один? Вдруг он просто хотел помочь? Вдруг правда просто хотел угостить шоколадкой?»

Она почти остановилась. Почти повернула обратно.

Но потом увидела, как мужчина оглянулся.

Один короткий взгляд через плечо. Не на неё — он не видел её. Он смотрел в ту сторону, откуда пришёл. Туда, где остались палатка и девочки.

И в его глазах Лида увидела то, что не спутала бы ни с чем.

Не голод. Не усталость.

Предвкушение.

Он ждал. Он знал, что они остались одни. Он рассчитывал на это.

— Добрый, значит, — прошептала Лида в темноту. — Посмотрим.

Она пошла дальше более решительно.

Глава 6.

Мужчина остановился у старой берёзы, прислонился к стволу, достал сигарету. Чиркнул зажигалкой — огонёк осветил его лицо на секунду. Спокойное, умиротворённое лицо человека, который ничего не боится.

— Эй, — сказала Лида, выходя из темноты.

Он вздрогнул. Сигарета выпала из пальцев, погасла в сырой листве.

— Ты чего? — он выпрямился, поднял руки. Напуганный жест. Искренний. — Я же тебе ничего плохого не сделал. Я ушёл. Чего ты идёшь за мной?

— Ты кинул шоколадку моим детям, — сказала Лида. Голос был чужим. Она не узнавала себя. — Зачем?

— Я хотел помочь! — Он сделал шаг назад, упёрся спиной в берёзу. — Господи, женщина, у тебя паранойя! Я отец! Я понимаю, что такое голодные дети!

— Ты сказал, что твоя дочь умерла.

Мужчина замер. Его лицо дрогнуло — может быть, от боли, может быть, от страха.

— Умерла, — сказал он тише. — Да. Я её не спас. Но это не значит…

— Значит, — перебила Лида. — Это значит, что у тебя нет ничего, что мешало бы тебе сделать больно моим.

Он смотрел на неё. В его глазах что-то менялось — страх уступал место чему-то другому. Обиде. Злости. Или просто расчёту.

— Ты не сделаешь этого, — сказал он. — Я вижу тебя. Ты не убийца. У тебя руки дрожат.

Он был прав. Руки дрожали. Весь нож ходил ходуном, как будто Лида держала его в приступе озноба.

— У меня нет выбора, — сказала она.

— Выбор есть всегда! — Он почти крикнул. — Я не трону вашу палатку! Клянусь! Я уйду в другую сторону, ты меня больше не увидишь!

— Я не могу рисковать.

— Почему?!

— Потому что если я ошибусь — мои девочки умрут.

Слова вылетели сухими, колючими, как щепки. Лида слышала их и не верила, что говорит это она. Та самая Лида, которая плакала над дохлыми птицами. Которая подкармливала бродячих кошек. Которая не могла убить даже муху.

— Мне жаль, — сказала она. Голос дрогнул. — Правда, жаль.

— Не надо, — прошептал мужчина. — Не надо, прошу…

Он попытался оттолкнуться от дерева, метнуться в сторону. Но Лида была быстрее.

Потому что она была матерью.

А матери не думают. Матери просто делают.

Она шагнула вперёд и полоснула по горлу.

Нож вошёл в кожу легко — слишком легко. Как в масло. Как в спелый персик. Тёплая кровь хлынула на её пальцы, на рукав куртки, на лицо.

Мужчина захрипел. Он схватился за шею, глаза расширились — белые, огромные, как яйца. Он не верил. Он смотрел на неё и не верил, что эта дрожащая женщина с ножом смогла.

Лида смотрела в ответ.

Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с кровью. Она плакала. Плакала и сжимала нож.

— Прости, — шептала она. — Прости. Прости.

Мужчина осел на колени. Потом упал лицом в листву. Под ним растекалась тёмная лужа, которая в лунном свете казалась чёрной, как нефть.

Лида стояла над ним и дрожала.

Всё тело трясло. Зубы стучали. Нож выпал из онемевших пальцев и воткнулся в землю.

— Я не хотела, — прошептала она в пустоту. — Господи, я не хотела.

Но лес не ответил. Лес молчал.

И где-то в этой тишине, в двухстах метрах отсюда, в зелёной палатке под клубничным пятном, ждали её девочки.

Вера и Надя.

Те, ради кого она стала убийцей.

Лида подняла нож. Вытерла его о траву, о листья, о собственную куртку. Кровь не оттиралась — она въедалась в ткань, как память.

«Я больше никогда не буду прежней», — подумала Лида.

И пошла обратно. К свету. К палатке. К детям, которые спросят, почему у мамы красное лицо и почему она плачет.

Она не знала, что ответит.

Знала только одно: у неё не было выбора. И никогда не будет.

Не в этом мире.

Глава 7.

Лида шла обратно сквозь лес, и каждый шаг давался ей как пощечина.

Нож она спрятала в карман. Не потому, что боялась, что кто-то увидит — в лесу никого не было. Просто не могла на него смотреть. Лезвие всё ещё было мокрым. Она чувствовала это через ткань куртки — липкое, тёплое пятно у бедра.

— Я не хотела, — прошептала она снова, но слова рассыпались в тишине, не долетев даже до собственных ушей.

Она убьёт за них кого угодно. Это она знала теперь точно. Вопрос был не в том, сможет ли. Вопрос был в том, сколько их ещё будет. Сколько раз ей придётся возвращаться в лес с ножом, чтобы девочки увидели рассвет.

Палатка показалась из-за деревьев — маленький зелёный пузырь в серой темноте.

— Вера? — позвала Лида шёпотом. — Надя?

Никто не ответил.

Сердце ухнуло вниз. Лида рванула вперёд, откинула полог и чуть не закричала от облегчения — они были там. Обе. Сидели в обнимку, укрытые одним спальником. Вера сжимала Надю так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Мама, — выдохнула Вера.

— Я здесь, — Лида рухнула на колени, обхватила обеих. Запах крови ударил в нос, и она отстранилась, испугавшись, что девочки почувствуют. — Всё хорошо. Я здесь.

— Ты долго, — прошептала Надя. — Я испугалась.

— Прости. Прости меня.

Лида гладила их волосы, чувствуя, как Надя дрожит, а Вера — нет. Вера не дрожала. Вера смотрела на мать странным, взрослым взглядом, и Лида поняла: дочь знает. Не всё, но достаточно. Знает, куда мать ходила. Знает, зачем.

— Ложись спать, — сказала Лида. — Завтра рано вставать.

Они легли. Надя прижалась к матери, засунув руку ей под свитер — так она делала когда-то, маленькой, ища тепло. Вера легла с другой стороны, но не касалась. Лежала на спине, глядя потолок палатки, на клубничное пятно.

— Мам, — сказала Вера.

— Мм?

— Шоколад. Он здесь.

Вера протянула руку. На ладони лежала та самая шоколадка — смятая, но целая. Фольга блестела в темноте.

Лида взяла шоколадку. Хотела выбросить. Сжать в кулаке и швырнуть в лес, туда, где лежал тот человек. Но почему-то не смогла. Положила рядом с рюкзаком.

— Завтра выброшу, — сказала она.

И закрыла глаза.

Но сон не пришёл.

Глава 8.

Воспоминание пришло неожиданно.

Может быть, потому что Надя прижалась к ней, как тогда, в другой жизни. Может быть, потому что Лида вдруг остро, до боли, захотела вернуться туда, где ещё не нужно было никого убивать.

Тогда было лето. Настоящее лето, горячее, липкое, с запахом шашлыков и крема от загара.

Пляж был галечный. Надя ненавидела гальку — она плакала, когда ступала босыми ногами на острые камни, и Вера каждый раз брала её на спину.

— Тяжёлая, — кряхтела Вера. — Как бегемот.

— А ты сильная, — смеялась Надя. — Как… как экскаватор.

— Экскаватор? — Вера возмущённо обернулась. — Я похожа на экскаватор?

— Ты жёлтая, как экскаватор. У тебя купальник жёлтый.

— А ты зелёная, как лягушка.

— Я не лягушка! — Надя надула губы. — Я русалка.

— Русалки не боятся гальки.

Надя задумалась на секунду. Потом сползла с Веркиной спины, встала на камни, поморщилась, но не заплакала.

— Смотри, я не боюсь, — сказала она гордо.

— Умница, — папа подошёл сзади, подхватил Надю на руки и закинул в воду. Она завизжала, забила руками, но через секунду уже смеялась. — Вот так. Моя смелая дочка.

— А я? — Вера подбежала к краю воды. — Я тоже смелая!

— Ты у меня самая смелая, — папа обнял её. От него пахло солнцем, солью и дешёвым пивом. Она запомнила этот запах навсегда. — Ты — моя опора.

Мама сидела на полотенце, в тени зонтика, и смотрела на них.

Она была красивая тогда. Не такая, как сейчас — серая, худая, со впалыми щеками. Тогда у неё были розовые щёки, и она смеялась, запрокидывая голову.

— Ты как ребёнок! — крикнула она.

— А я и есть ребёнок! — крикнул папа в ответ.

Он выбежал из воды, схватил маму за руку и потащил к морю. Она визжала, отбивалась, но он был сильнее. Затащил по пояс, окунул с головой.

— Сергей, утону! — кричала она, выныривая.

— Не утонешь. Я рядом.

Вера видела, как мама обняла папу за шею. Как они стояли в воде, прижавшись друг к другу, и не замечали никого вокруг. Надя брызгалась рядом, кричала «полундра!», пыталась их разнять.

А Вера стояла на берегу, смотрела и чувствовала: вот оно. Счастье. Настоящее, полное, до краёв.

Она не знала тогда, что счастье кончается. Что его можно потерять за один день. За один миг. За один укус.

Глава 9.

— Мам, — голос Веры вырвал её из воспоминания. — Мам, ты спишь?

— Нет, — Лида открыла глаза.

Палатка потемнела — луна ушла за облака. Надя спала, свернувшись калачиком, заяц был зажат у неё под мышкой.

— Что-то не так? — спросила Лида.

— Я… — Вера замолчала. Её лицо в темноте было бледным — бледнее обычного. — Мам, мне плохо.

Лида села. Сердце пропустило удар.

— Что значит плохо?

— Живот крутит. И голова… как будто ватная. И тошнит немного.

Лида смотрела на дочь. Смотрела на её бледное лицо, на влажный лоб, на дрожащие губы.

— Что ты ела? — спросила она. Голос был спокойным — слишком спокойным. Внутри уже всё кричало.

— Ничего, — Вера отвела глаза.

— Вера.

Молчание.

— Вера, что ты ела?!

— Шоколад, — прошептала Вера. — Только маленький кусочек. Я хотела проверить, настоящий ли он. Может, мам, он просто просроченный? Может, у меня просто аллергия?

Лида не слышала её. Она уже трясла Надю.

— Надя! Надя, проснись!

Надя открыла глаза. Сонные, мутные.

— Что? — прошептала она.

— Ты ела шоколад?

Надя моргнула. Потом кивнула.

— Немножко. Вера дала.

Вера закрыла глаза и закусила губу, чтобы не заплакать.

Лида смотрела на них. На бледную Веру. На сонную Надю. На смятую фольгу от шоколадки, которая лежала у рюкзака — почти пустая, только пара квадратиков осталась.

Тот человек отравил шоколад.

Или не отравил — просто положил туда что-то. Что-то, от чего маленькие девочки становятся тихими и ватными. Что-то, после чего они, возможно, не просыпаются.

Лида вспомнила его улыбку. Широкую, открытую, почти детскую.

«Добрый дядя».— сказала Надя.

— Мам? — позвала Вера. — Мам, ты чего молчишь? Мам, мне страшно.

Лида обняла обеих. Крепко-крепко, как будто могла удержать их в этом мире силой своих рук.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Я рядом. Слышите? Я рядом.

Но в её голове уже крутилось одно слово, как заевшая пластинка.

Отравил. Отравил. Отравил.

И она не знала, сколько у них времени.

Глава 10.

То утро было солнечным. Таким солнечным, что даже шторы не спасали — золотые полосы лежали на полу, на стенах, на платье, которое висело на плечиках.

Белое. С бантиками. Идеальное.

— Надя, вставай! — Вера ворвалась в комнату, как ураган. — Сегодня твой день!

— Не хочу, — пробормотала Надя из-под одеяла.

— Как это не хочешь? Ты же будешь звездой!

— Я хочу спать.

— Ты за всю жизнь выспишься! — Вера стащила с неё одеяло. — Вставай, принцесса!

Надя заверещала, попыталась отбиться, но Вера была сильнее. Она подхватила сестру на руки, закружила по комнате, и обе рухнули на кровать — смеющиеся, растрёпанные, счастливые.

— Девочки, — мать стояла в дверях с чашкой кофе. — Вы уже проснулись?

— Нет! — крикнула Надя.

— А кто тогда кричит?

— Это Вера кричит. А я сплю.

Вера засмеялась и ткнула сестру в бок. Надя завизжала снова.

— Завтрак через десять минут, — сказала мать, пряча улыбку. — И Надя, не забудь: сегодня твой день. Ты будешь очень-очень красивой.

— Я всегда красивая, — гордо сказала Надя.

— Скромной тебя не назовёшь, — покачала головой мать, выходя из комнаты.

На выпускной собралась вся семья.

Отец отпросился с работы — неожиданно, потому что он никогда не брал отгулы. «У дочери праздник», — сказал он начальнику, и тот почему-то не спорил.

Он надел белую рубашку, которую гладил целый час. Мать говорила, что он перестарался, но Вера видела, как папа улыбается своему отражению в зеркале.

— Ты похож на жениха, — сказала Вера.

— А ты на подружку невесты, — ответил папа и поцеловал её в макушку.

Детский сад был украшен шарами. Воздушными, разноцветными, которые под потолком шевелились от сквозняка, как живые. На сцене висела растяжка: «До свидания, детский сад!» — с буквами, которые нарисовали сами дети. Неровными, разноцветными, с кляксами.

— А где Надя? — спросила мать, оглядываясь.

— За кулисами, — ответила воспитательница, молодая девушка с добрыми глазами. — Волнуется.

— Надя волнуется? — удивился отец. — Наша Надя?

— Все волнуются, — улыбнулась воспитательница. — Это же первый выпускной.

Зал наполнился родителями. Бабушки с цветами, дедушки с телефонами, мамы в нарядных платьях, папы с видеокамерами на вытянутых руках. Всё это пахло духами, волнением и чем-то ещё — тем неуловимым запахом праздника, который бывает только раз в жизни.

Когда заиграла музыка, Надя вышла на сцену.

Она была в белом платье с бантиками. Волосы заплетены в две косы, в косах — белые ленточки. Туфельки блестели, но Надя всё равно наступила на подол, когда шла к своему месту.

Мать засмеялась сквозь слёзы.

Надя танцевала. Не так хорошо, как репетировали — она сбилась два раза, посмотрела на воспитательницу растерянно, потом нашла в зале маму и улыбнулась. Так широко, так счастливо, что у Лиды защипало в носу.

Она пела. Голос у Нади был тонким, иногда фальшивил, но она вытягивала слова так старательно, будто от этого зависела вся её жизнь.

— «Вот и стали мы на год взрослее…» — выводила Надя.

Вера сидела между родителями и сжимала кулаки. Она никогда не показывала, как гордится сестрой. Но сейчас, когда Надя сбилась в танце в третий раз и всё равно продолжила, улыбаясь во весь рот, Вера почувствовала, как что-то горячее подкатывает к горлу.

Она не заплакала. Она была старшей.

Но папа заплакал.

Он сидел, выпрямившись, с видеокамерой в руках — и по его щеке текла слеза. Он не вытирал её. Просто снимал.

— Серёжа, — мать дотронулась до его плеча.

— Она такая маленькая, — сказал он. Голос сел. — Она же ещё такая маленькая.

— Она взрослеет, — сказала мать.

— Не хочу, чтобы она взрослела.

Мать посмотрела на него, потом на сцену, потом положила голову ему на плечо.

— Я тоже не хочу, — прошептала она.

После концерта была фотосессия. Надя обнимала воспитательницу, подружек, мальчика Петю, с которым они гуляли в одном дворе. Платье уже было не белое — на подоле красовалось пятно от сока, бантики сбились, косы растрепались.

— Мам, смотри, — Надя подбежала к Лиде и протянула ей рисунок. — Я нарисовала нашу семью.

На рисунке были четыре человечка: высокий — папа, чуть ниже — мама, ещё ниже — Вера, и самая маленькая — Надя. Все держались за руки. Вверху было солнце с лучами-палочками и подпись корявыми буквами: «Моя семья — моё счастье».

— Ты сама придумала эту подпись? — спросила мать.

— Нет, воспитательница помогла, — призналась Надя. — Но я сама хотела. Правда.

— Она прекрасная, — мать прижала рисунок к груди. — Я сохраню его навсегда.

— Повесь на холодильник, — сказала Надя.

— Обязательно.

Они ели торт и весело болтали. Надя выпросила кусок с розочкой — кремовой, сладкой, почти слишком красивой, чтобы её есть. Но она съела. Сначала розочку, потом всё остальное. Испачкала всё лицо.

— Ты похожа на поросёнка, — сказала Вера.

— А ты на корову, — ответила Надя.

— Девочки, — устало сказала мать.

— Она первая начала, — пожаловалась Надя.

— Ты старшая, — мать посмотрела на Веру. — Будь умнее.

— Я умнее, — Вера показала Наде язык. — Просто не всегда.

Папа смеялся. Он смеялся так, что у него тряссся живот, а на глазах снова выступили слёзы.

— Я люблю вас, — сказал он вдруг. Громко, чтобы все слышали.

— Мы тоже, — сказала мать.

— А я больше всех! — крикнула Надя.

— А я больше, чем больше всех! — крикнула Вера.

Они обнялись всей семьёй. Обнялись и стояли так очень долго, под шарами, которые уже начинали сдуваться.

— Скоро Надя пойдёт в первый класс, — сказала мать. — Новая жизнь начнётся.

— Не пугай меня, — усмехнулся папа.

— Я не пугаю. Я радуюсь.

Вера смотрела на сестру, Надя улыбалась — той улыбкой, которая могла растопить лёд.

«Мы будем помнить этот день всегда», — подумала Вера.

Она не знала тогда, что помнить придётся. Что этот день станет одним из последних, когда все они были вместе и были счастливы.

Через месяц начался вирус.

Надя так и не пошла в первый класс.

Новая жизнь началась, но не та, о которой говорила мать.

Глава 11.

— Нам надо идти, — сказала Лида.

Голос был чужим. Сухим, с трещиной, как старая книга, которую открыли после многих лет. Она смотрела на дочерей и понимала: если они останутся здесь хотя бы на час, то не встанут уже никогда.

Вера сидела, прислонившись к стенке палатки. Веки тяжёлые, перед глазами всё плывёт.

— Мам, я не могу, — прошептала Вера.

— Можешь, — Лида встала на колени, взяла лицо дочери в ладони. — Слышишь меня? Ты можешь. Ты сильная. Ты моя опора.

— А если я упаду?

— Я тебя подниму. Вера, посмотри на меня.

Вера подняла глаза. Мутные, с красными прожилками. Лида увидела в них себя — такую же загнанную, такую же уставшую, но живую. Ещё живую.

— Ты сможешь идти сама? — спросила Лида.

Вера молчала секунду. Потом кивнула.

— Попытаюсь.

— Умница.

Лида обернулась к Наде. Младшая лежала на спальнике, свернувшись калачиком. Лицо белое, губы синие. Она не спала — она провалилась в какое-то другое состояние, между сном и обмороком. Глаза открыты, но не видят.

— Надя, — Лида погладила её по щеке. — Надя, мы идём.

Надя не ответила.

Лида подхватила её на руки. Младшая обвисла тряпичной куклой — голова на плече матери, руки болтаются, ноги не держат. Лёгкая, слишком лёгкая. В ней не осталось веса, только кости и тонкая кожа.

— Здесь оставаться нельзя, — сказала Лида, не то дочерям, не то себе. — Если мы останемся — умрём.

Она вылезла из палатки. Вера выбралась следом, держась за лямку маминого рюкзака.

Лес встретил их серым рассветом. Небо висело низко, тяжёлое, как мокрое одеяло. Ни птиц. Ни ветра. Только тишина, густая и липкая.

Лида пошла.

Сначала было просто тяжело. Надя на руках, рюкзак за спиной, Вера сзади, цепляющаяся за неё. Каждый шаг давался с трудом, но ноги ещё слушались.

Потом стало больно.

Не спина — спина привыкла. Боль пришла откуда-то изнутри, из живота, из груди, из головы. Она растекалась по телу, как горячий свинец, заставляя мышцы дрожать.

«Это пройдёт, — сказала себе Лида. — Это просто усталость».

Но это была не усталость.

Она шла и не знала сколько прошло времени, когда она поняла — отравление пришло и к ней. Лида не ела шоколад, но она выпила воды из фляжки того мужчины. Видимо, вода тоже была отравлена. Он расставил сразу несколько ловушек и они попали в них все.

Рвотный позыв подкатил к горлу внезапно, как удар под дых. Лида остановилась, согнулась, но сдержалась. Не сейчас. Не здесь. Она не имела права останавливаться, пока несёт ребёнка.

— Мам? — голос Веры был тонким, испуганным. — Ты чего?

— Ничего, — выдавила Лида. — Споткнулась.

Она выпрямилась и пошла дальше.

Через полчаса Надю стошнило.

Это произошло без предупреждения — просто тёплая жидкая масса потекла по спине Лиды, по куртке, по рюкзаку. Запах кислый, острый, ударил в нос.

— Ой, — сказала Надя слабым голосом. — Мам, я испачкала…

— Всё хорошо, — Лида прижала её крепче. — Всё хорошо, маленькая. Это просто яд выходит. Так надо.

Она чувствовала, как рвотные массы впитываются в ткань, как они холодят спину под курткой. Её собственная тошнота поднялась с новой силой, но она проглотила её. Заставила себя проглотить.

— Мам, мне плохо, — прошептала Вера сзади.

— Потерпи.

— Не могу.

— Можешь, — Лида не обернулась. Если она обернётся и увидит, как Вера бледнеет, как её глаза закатываются — она упадёт. А падать нельзя. — Держись за рюкзак. Смотри на мои ноги. Шаг за шагом.

Вера замолчала.

Они шли. Метр за метром. Глаза Лиды слезились, перед ними плыли чёрные мухи. Ноги становились ватными — сначала просто тяжёлыми, потом чужими, как будто она шла не на своих конечностях, а на деревянных протезах.

«Только не упасть, — думала она. — Только не упасть».

Она молилась. Не знала кому — богу, вселенной, той пустоте, что осталась от небес. Она просто шептала слова, которые вылетали сами собой:

— Пожалуйста, помогите мне. Пожалуйста, дайте мне сил. Я донесу их. Я обещаю. Я донесу.

Надя не отвечала. Вера молчала.

Лида шла.

В какой-то момент она перестала чувствовать ноги. Они двигались автоматически — механические шаги робота, у которого кончается завод. Лес плыл перед глазами, деревья двоились, троились, сливались в сплошную серую стену.

«Я не могу, — подумала она. — Я сейчас упаду».

И тут же ответила себе: «Нет. Ты не имеешь права. Ты — мать».

Но тело не слушалось.

Голова стала тяжёлой, непомерно тяжёлой. Шея не держала её. Мир накренился — сначала влево, потом вправо, потом завертелся, как карусель.

— Мам… — донеслось откуда-то издалека.

Лида не поняла, кто это сказал. Вера? Надя?

Она сделала ещё шаг.

Потом ещё один.

Потом ноги подкосились.

Падение было медленным — как будто время растянулось, превратилось в резину. Лида видела, как земля поднимается к ней навстречу. Серая, мокрая, грязная.

Она успела подумать: «Только бы не придавить Надю».

И перевернулась в воздухе.

Она упала на спину. Надя оказалась сверху — живая, тёплая, но такая же беспомощная.

Спина ударилась о корни. Боль пронзила позвоночник, отдалась в затылке. Лида не вскрикнула — у неё не осталось воздуха.

— Мамочка!

Голос Веры был высоким, режущим, как нож.

— Мамочка! Мамочка, что с тобой?!

Лида слышала этот крик словно сквозь воду. Плотную, тёплую, которая заливала уши, глаза, рот. Она пыталась открыть глаза, но веки не поднимались. Пыталась сказать: «Я здесь, я в порядке», — но язык не шевелился.

— Мама! Мама, не умирай!

Вера трясла её за плечо. Слабо, потому что у самой не было сил. Но трясла.

— Пожалуйста, мамочка, пожалуйста…

Лида лежала на земле, прижимая к себе Надю, и чувствовала, как сознание уходит. Медленно, по капле, как вода из прорванной трубы.

Она видела над собой небо — серое, низкое, пустое. Ни облаков, ни птиц, ни самолётов. Никого.

«Я не могу умереть, — подумала она. — Я не могу их бросить».

Но тело уже не слушалось.

Последнее, что она услышала перед тем, как провалиться в чёрную тишину, был крик Веры:

— Мамочка! Не оставляй нас! Ты обещала!

И тишина.

Лес молчал.

Лида лежала на сырой земле, прижимая к себе младшую дочь, пока старшая трясла её за плечо и плакала.

Трава холодила щёку.

Где-то далеко, за деревьями, всё ещё был бункер. Вода. Еда. Спасение.

Но Лида уже не могла идти.

Глава 12.

Лагерь стоял в старом пионерском лагере, в пяти километрах от того места, где Борис встретил женщину с детьми.

Глеб сидел на перевёрнутом ящике у потухшего костра и чистил нож. Лезвие было старым, советским, с чёрной рукояткой, которую держали сотни ладоней до него. Он водил по нему бруском — мерно, сосредоточенно, как монах, читающий молитву.

— Где его носит? — спросила Зоя.

Она сидела на пороге заброшенной столовой, закутанная в несколько слоёв одежды — старая мужская куртка, поверх неё женское пальто, поверх пальто — платок. Пальцы её быстро двигались, перебирая верёвки. Она вязала узлы. Сеть. Для чего — не спрашивали.

— На разведке, — ответил Глеб, не поднимая глаз.

— Это было четыре часа назад.

— И что? — Глеб остановил брусок. Посмотрел на лезвие. Своё отражение в нём он не любил — слишком много шрамов, слишком тяжёлый взгляд.

— Четыре часа, Глеб, — повторила Зоя. — Он всегда возвращается через пару часов. У него маршрут.

Глеб поднял голову. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Зоя была единственной в лагере, кто не боялся его. Может быть, потому что ей было нечего терять. Может быть, потому что она уже была мертва внутри — просто забыла упасть.

— Может, у него всё получилось, — подал голос Пашка из темноты.

Он сидел на корточках у стены склада, обхватив колени. Девятнадцать лет, худой, с вечно трясущимися руками. Его взяли в группу последним — он шёл по дороге один, без еды, без оружия. Глеб пожалел его. Или не пожалел — просто понял, что такой не задаст лишних вопросов.

— Может, он нашёл кого и придет в лагерь с добычей, — продолжил Пашка.

— Тогда он всё равно был бы уже здесь, — Зоя отложила верёвку. — Он не потащил бы никого ночью через лес один. Он не дурак. Он бы дождался нас.

— Или не дождался, — сказал Глеб.

Он встал. Потянулся, хрустнув позвонками. Тело болело — всегда болело после сорока. Лес, холод, сырость — всё это въедалось в суставы, как ржавчина.

— Пойду гляну, — сказал он.

— Я с тобой, — Пашка вскочил, чуть не упав — ноги затекли.

— Сиди.

Глеб надел куртку. Старую, камуфляжную, с чужого плеча. Застегнул молнию до горла. Проверил нож на поясе — тот, большой, охотничий. Не тот, которым Борис ходил на разведку. Борис предпочитал маленькие ножи, чтобы не пугать детей.

— Если я не вернусь через два часа — уходите, — сказал Глеб, глядя на Зою. — К точке сбора.

— А ты? — спросил Пашка.

— Я вернусь.

Зоя ничего не сказала. Просто смотрела на него пустыми глазами, в которых давно погас свет.

Глеб ушёл в лес.

Глава 13.

Он шёл быстро, но осторожно. Останавливался через каждые сто шагов, слушал. Лес молчал — по-настоящему, по-мёртвому, как могила.

Зверей не было. Не было даже птиц — мелких, глупых, которые всегда выдают присутствие человека. Лес был пуст.

«Плохой знак», — подумал Глеб.

Тропа, по которой ходил Борис, была натоптанной — старые следы, сухая трава, примятая подошвами. Глеб знал её наизусть. Он сам прокладывал маршруты, сам проверял, где можно спрятаться, где затаиться, где ждать.

Через полчаса он увидел первую улику.

Сломанная ветка. Свежая — кора ещё не засохла, бледно-зелёная полоска влажного дерева. Кто-то прошёл здесь недавно. Не Борис — Борис был аккуратным, ходил бесшумно, не оставлял следов.

«Кто-то бежал, — понял Глеб. — Или шёл очень быстро».

Он ускорился.

Ещё через десять минут он нашёл Бориса.

Тело лежало лицом вниз, в листве, у старой берёзы. Куртка пропиталась тёмным, почти чёрным пятном, которое растеклось вокруг, как масло по воде. Над телом вились мухи — первые мухи в этом мёртвом лесу.

Глеб не вздрогнул. Он повидал трупы. Свои, чужие, ещё дышащие и уже нет.

Он перевернул Бориса ногой. Лицо было белым, глаза открытыми, рот приоткрыт — как будто он хотел что-то сказать, но не успел. Горло перерезано. Чисто, почти профессионально.

«Женщина, — подумал Глеб. — Не мужчина. Мужчина ударил бы сильнее, глубже. Женщина боится, но делает».

Он обыскал карманы. Пусто. Фляжка исчезла. Шоколад тоже. Даже ножа не было.

«Обыскали тело. Значит, уходили не в панике. Уходили с умом».

Глеб встал, вытер руки о штаны. Посмотрел по сторонам, прикидывая направление.

Трава была примята в ту сторону, откуда пришёл Борис. Значит, то кто это сделал ушёл туда же.

Глеб посмотрел в ту сторону. Лес стоял тёмный, густой, непроглядный.

— Борис, ты дурак, — сказал Глеб вслух. — Говорил же тебе: не доверяй бабам. Они злее зверей.

Он развернулся и пошёл обратно в лагерь.

Он вернулся через час и двадцать минут.

Пашка увидел его первым — выскочил из темноты, как испуганный зверёк.

— Ну что? — спросил он. — Где Борис?

— Мёртв, — Глеб прошёл мимо него, сел на ящик, достал флягу с водой — свою, чистую. Отпил. — Женщина перерезала ему горло.

— Какая женщина?

— Которую он, видимо, нашёл.

Пашка побледнел. Зоя, сидевшая у стены, не изменилась в лице — оно осталось каменным, как маска.

— Ты пойдёшь за ней? — спросила она.

— Да.

— Зачем? Еды у неё нет. Оружия — на один раз. Она не выживет. Да и вдруг их много, ты же не знаешь!

— Она убила Бориса, — сказал Глеб. — Это не остаётся безнаказанным.

— Глеб, — Зоя поднялась. Она была ниже его на голову, но смотрела сверху вниз — как будто стояла на возвышении. — Мы теряем время. У нас припасы на исходе. Мы планировали возвращаться к остальным завтра. Если мы пойдём за женщиной, то потратим силы и не дойдём до склада.

— Склад никуда не денется.

— А женщина денется? Она ушла. Лес огромный. Куда ушла— ты знаешь?

Глеб промолчал.

— Вот именно, — сказала Зоя. — Она могла пойти куда угодно. А мы могли забрать вещи Бориса и забыть. Но ты хочешь играть в месть. Зачем?

— Потому что, — Глеб поднял на неё глаза. — Потому что если мы позволим одному уйти безнаказанно, завтра другой убьёт кого-то из нас. А послезавтра — всех. Понимаешь? В этом мире нельзя оставлять свидетелей.

Зоя посмотрела на него долго. Потом кивнула.

— Тогда идём быстро, — сказала она. — Пашка, бери нож и верёвки.

— Я? — Пашка попятился. — Я не хочу…

— Ты хочешь есть, — перебил Глеб. — Ты хочешь жить. И ты хочешь, чтобы завтра у тебя была вода и еда. А для этого мы должны быть уверены, что никто не придёт за нами, пока нас нет. Понял?

Пашка сглотнул. Потом кивнул и пошёл к складу — собираться.

Глеб встал, проверил нож на поясе.

— Она недалеко ушла, — сказал он. — Шоколада и воды нет, значит яд уже в организме. Мы нагоним её или их уже к утру.

— А если нет? — спросила Зоя.

— Тогда она выйдет к старому мосту, — Глеб посмотрел на карту, которую держал в голове. — А там только болото.

Зоя молча застегнула куртку.

В лесу темнело.

Они вышли через пятнадцать минут.

Трое — двое мужчин и женщина — скользнули в чащу, как тени. Без факелов. Без разговоров. Только ножи, верёвки и голод.

Глеб шёл первым. Он нюхал воздух, как зверь, и вёл остальных за собой.

Запах крови ещё не выветрился.

Глава 14.

Кто-то тряс её за плечо.

— Мам, мам, вставай!

Лида застонала и зарылась лицом в подушку. Подушка пахла лавандой — тем кондиционером для белья, который она так любила. В прошлое воскресенье она сменила постельное. Или в субботу? Она не помнила. Она вообще ничего не помнила, кроме усталости.

— Ма-а-ам, — голос был настойчивым, детским, с нотками каприза. — Ты обещала!

— Что я обещала? — пробормотала Лида в подушку.

— Ты обещала, что в воскресенье мы будем делать завтрак!

— В какое воскресенье?

— В это! Сегодня воскресенье!

Лида приоткрыла один глаз. Сквозь щель между шторами пробивался солнечный свет — золотистый, тёплый, тот самый, который бывает только ранней осенью, когда лето уже кончилось, но зима ещё не началась.

Над ней стояли две фигурки. Одна высокая, с тёмными кудрями, рассыпавшимися по плечам. Другая маленькая, светлая, с двумя хвостиками, торчащими в разные стороны.

— Вера? Надя? — Лида приподнялась на локте. — Вы чего не спите?

— Мы спать больше не хотим! — объявила Надя. — Мы хотим завтрак!

— А который час?

— Полвосьмого! — гордо сказала Вера.

Лида простонала и упала обратно на подушку.

— Дети, сегодня воскресенье. Воскресенье — это день, когда мама спит.

— Но ты же обещала!

— Я обещала много чего. Например, что мы купим собаку.

— И где собака? — спросила Надя серьёзно.

— Вот именно. Нет собаки. И завтрака тоже нет. Идите спать.

— Ма-а-ам, — Надя начала залазить на кровать, цепляясь за край одеяла своими маленькими пальцами. — Ну ма-а-ам, мы уже всё приготовили!

Лида приоткрыла глаз снова.

— Что значит «приготовили»?

— Завтрак! — Вера кивнула в сторону кухни. — Мы с Надей встали в шесть и всё сделали. Сами.

— В шесть утра?

— Мы тихо, — сказала Надя. — Почти.

Лида села на кровати. Провела рукой по лицу, сгоняя остатки сна. На кухне и правда что-то гремело — тихо, приглушённо, как будто кто-то пытался двигать посуду на цыпочках.

— И что вы приготовили? — спросила она.

— Сюрприз! — хором крикнули девочки.

— Тише, — шикнула Лида. — Папа спит.

— Уже нет, — раздался рядом голос папы.

Из-под одеяла высунулась взлохмаченная голова. Сергей щурился, как филин, которого разбудили среди бела дня. Но улыбался.

— Они уже час там колдуют, — сказал он хриплым спросонья голосом. — Я думал, кухню спалят.

— Не спалили, — обиженно сказала Вера.

— Почти, — добавила Надя.

— Что значит «почти»? — Лида сбросила ноги с кровати. — Где дым?

— Нигде, — Вера заслонила проход. — Ты не ходи! Мы сами всё принесём! Лежи!

— Я не могу лежать, если вы там кухню спалите.

— Мам! — Надя надула губы. — Ты портишь сюрприз!

— Пусть мама полежит, — сказал Сергей. Он сел на кровати, потянулся, хрустнув позвонками. — У неё была сложная неделя.

Лида посмотрела на него. Он улыбался — той улыбкой, от которой у неё до сих пор сладко замирало сердце, даже после стольких лет брака.

— У меня была сложная неделя? — переспросила она.

— Очень. Ты устала. Ты заслужила поспать.

— А ты?

— А я пойду посмотрю, что там мои хозяюшки наколдовали, — он встал, натянул штаны, которые висели на стуле, и подмигнул. — Лежи.

— Я не хочу лежать.

— Лежи, — повторил он, и в голосе появились те нотки, которым она никогда не могла противиться. Не приказ — забота.

Он вышел из комнаты. Лида слышала, как он идёт по коридору, как девочки заверещали: «Папа, не подглядывай!», как он засмеялся — громко, раскатисто, от души.

— А где тут подглядывать? Вы же всё уже сделали!

— Мы ещё не всё! Иди обратно!

— Не пойду. Я хочу есть.

— Папа!

— Сергей Владимирович, вы мешаете процессу! — это уже Вера, строгим голосом.

— Какому процессу?

— Процессу приготовления завтрака! Выйдите из кухни!

Лида улыбнулась и натянула одеяло до подбородка. Сквозь закрытую дверь доносились голоса — счастливые, живые, настоящие.

— Держи, папа, это тебе.

— А это что?

— Это омлет. Только он немного пригорел.

— Немного?

— Ладно, сильно. Но мы старались!

— А почему он синий?

— Это не синий. Это… это черника.

— Черника в омлете?

— Да. Мы экспериментировали.

Сергей засмеялся снова. Так, что стены дрожали.

— Экспериментаторы мои. Ладно, давайте, несите. Мама уже заждалась.

— Мама, не смотри! — крикнула Надя из коридора. — Закрой глаза!

— Закрыла, — крикнула Лида в ответ.

Она лежала, укрытая одеялом, и слушала, как они идут по коридору. Три пары ног — папины тяжёлые, Верины быстрые, Надины торопливые, вприпрыжку. Они несли поднос. Гремели тарелками. Шептались. Смеялись.

— Открывай! — сказала Надя.

Лида открыла глаза.

Надя стояла в дверях с огромной улыбкой до ушей. В руках у неё было что-то, что отдалённо напоминало бутерброд — два куска хлеба, между которыми была намазана, кажется, сгущёнка, смешанная с творогом и посыпанная сверху крошками печенья.

— Это тебе, — сказала Надя торжественно. — С днём рождения!

— У меня сегодня день рождения? — удивилась Лида.

— Нет. Но мы решили, что раз воскресенье, то это почти как день рождения.

— Логично, — кивнула Лида и взяла бутерброд.

Сергей стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на них. Его глаза блестели.

— У нас растут хозяюшки, — сказал он. — Скоро ты вообще готовить не будешь.

— А что я буду делать?

— Отдыхать, — сказала Надя. — Лежать. Мы тебя будем кормить.

— И поить, — добавила Вера, внося в комнату кружку с чаем. Чай был холодный, слишком сладкий и с чаинками, плавающими на поверхности. Но Лида взяла её обеими руками, как святыню.

— Спасибо, — сказала она. — Вы мои золотые.

— Нет, это ты наша золотая, — сказала Надя и полезла к ней на колени.

Вера села рядом, привалившись к плечу. Сергей присел на край кровати и обнял их всех — сразу, огромными руками, как курица-наседка, собирающая цыплят под крыло.

— Что бы я без вас делал, — сказал он тихо.

— А ты без нас никак, — ответила Вера. — Ты без нас пропадёшь.

— Это точно, — он поцеловал её в макушку. — Пропаду.

Лида закрыла глаза. Она чувствовала тепло — тела дочери на коленях, руки мужа на плече, чая в ладонях. Она чувствовала запах подгоревшего омлета и сгущёнки. Слышала, как Надя жуёт бутерброд, чавкая на всю комнату. Как Вера шепчет: «Не чавкай».

Она была счастлива.

Она не знала тогда, что счастье слишком хрупкое и разбивается вдребезги в один миг.

— Мамочка.

Голос был тихим, надорванным, как струна, которая вот-вот лопнет.

— Мамочка, проснись. Пожалуйста. Я боюсь.

Лида попыталась открыть глаза, но веки были тяжёлыми — свинцовыми, как будто кто-то насыпал в них песка.

— Мама, ну вставай, — голос дрожал. — В лесу кто-то есть. Я слышу. Они идут. Мама, пожалуйста.

Лида узнала этот голос. Вера.

— Мама!

Она чувствовала, как маленькие ладошки трясут её за плечо. Слабо, отчаянно, как будто от этого движения зависела вся жизнь.

— Я не могу одна, — всхлипнула Вера. — Надя тоже не может. Она спит и не просыпается. Мама, я боюсь вас потерять. Я вас всех боюсь потерять.

Лида хотела сказать: «Я здесь, маленькая. Я рядом. Всё будет хорошо». Но язык не шевелился.

Хотела поднять руку и погладить её по голове, но рука была чужой, тяжёлой, прибитой к земле.

«Только не сейчас, — думала Лида, проваливаясь обратно в темноту. — Только не сейчас. Дай мне сил».

Но тело не слушалось.

А где-то за деревьями, в чёрной чаще, уже хрустели ветки под ногами тех, кто шёл по их следу.

Голос Веры становился всё тише.

Или это Лида уходила всё дальше?

Она не знала.

Она только чувствовала, как маленькие пальцы вцепились в её куртку и не отпускают.

«Держись, — хотела сказать она. — Держись за меня».

Но слова остались внутри.

Где-то далеко, в другой жизни, папа смеялся, а на столе стоял синий омлет и холодный чай.

Сейчас была только тьма.

И дочка, которая звала её.

Глава 15.

Вера не помнила, когда перестала бороться.

Сознание уходило волнами — то накатывало, позволяя видеть кусок серого неба, мамину спину, растрёпанные Надины хвостики, то отступало, утягивая в чёрную яму, где не было ни боли, ни страха, ни мыслей.

Последнее, что она запомнила — мама упала. Медленно, как падают деревья — сначала наклон, потом треск, потом глухой удар о землю. Вера попыталась поднять её, но не смогла. Она села на землю рядом, положила голову маме на плечо и закрыла глаза.

«Только на минуту, — сказала она себе. — Я отдохну минуту и встану».

Прошла минута. Потом другая. Потом Вера перестала считать.

Она проваливалась в сны, которые не запоминала, и выныривала из них с мутной головой и сухим ртом. В один из таких выныров она услышала шаги.

Не мамины. Не Надины. Чужие.

Вера замерла. Сердце заколотилось где-то в горле, разгоняя тяжёлую, отравленную кровь. Она попыталась открыть глаза, но веки были свинцовыми.

Шаги приближались. Кто-то шёл через лес — не таясь, не крадучись. Тяжёлые сапоги хрустели по веткам, шуршали по листве.

«Сообщник того мужчины, — подумала Вера. — Он пришёл за нами».

— Чёрт, — сказал мужской голос. Не громко, скорее удивлённо, чем зло. — Чёрт-чёрт-чёрт.

Вера заставила себя открыть глаза.

Свет ударил по лицу — жёлтый, резкий, нестерпимый. Кто-то светил фонариком прямо на неё. Она зажмурилась, отвернулась, заслонилась рукой.

— Ой, прости, — сказал голос. Луч отодвинулся.

Вера приоткрыла один глаз.

Он стоял в двух шагах, за деревом. Высокий, худой, в тёмной куртке с капюшоном, накинутым на голову. Фонарик он опустил — теперь луч смотрел в землю, выхватывая из темноты корни, листву и мамино лицо.

— Мама, — прошептала Вера.

— Она жива? — спросил мужчина.

Вера не ответила. Она смотрела на него, пытаясь понять — друг или враг. Такой же, как тот, с шоколадом? Или другой?

Мужчина подошёл ближе. Опустился на корточки рядом с Лидой, приложил пальцы к её шее — там, где бьётся пульс. Вера видела, как его лицо меняется. Сосредоточенное, внимательное. На нём были шрамы — старые, белые полосы на скуле и подбородке.

— Жива, — сказал он. — Слава богу.

Он поднял фонарик и посветил на Надю. Младшая лежала на боку, поджав колени к животу. Лицо белое, губы синие. Она не спала — она была в полубреду, губы шевелились, будто она с кем-то разговаривала.

— А это? — спросил мужчина. — Сестра?

— Да, — прошептала Вера. Голос не слушался.

Мужчина перевёл свет на неё. Вера зажмурилась снова, но он сразу убрал луч.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Вера.

— Вера, — повторил он. — Красивое имя. А меня — Андрей.

Вера открыла глаза.

Она слышала это имя. Мама говорила его в палатке, когда собирала рюкзак. Когда объясняла, куда они идут.

— Вы тот Андрей? — спросила Вера. — У которого бункер?

Мужчина удивлённо поднял бровь.

— Откуда ты знаешь про бункер?

— Мама сказала. Мы шли к вам.

Андрей посмотрел на Лиду, лежащую без сознания на сырой земле. В его глазах что-то дрогнуло — удивление, может быть, изумление. Он узнал её. Узнал, несмотря на серое лицо, впалые щёки, грязные волосы.

— Лида, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Господи, Лида… Что с тобой сделали?

Он провёл рукой по лицу, как будто пытался стереть наваждение. Потом посмотрел на Веру — долгим, изучающим взглядом.

— Она говорила обо мне? — спросил он.

— Когда собиралась в бункер. Сказала, что вы… — Вера запнулась, вспоминая слова матери. — Что вы хороший и раньше вы были женаты, ещё до папы.

Андрей горько усмехнулся.

— Хороший, — повторил он. — Давно меня так не называли.

Он оглянулся по сторонам — на деревья, на темноту, на тропу, по которой пришёл. Вера заметила, как он напрягся. Как его рука легла на нож на поясе.

— Нам надо идти, — сказал он. — Прямо сейчас.

— Куда?

— В бункер. — он снова посмотрел на Лиду. — Теперь вы здесь. И я вас не брошу.

— А как вы нас нашли? — спросила Вера.

— Случайно, — Андрей покачал головой. — Ходил на разведку, проверял ловушки. Здесь в лесу есть ещё люди и они опасны. А нашёл… — он запнулся. — Нашёл вас.

— Там, в палатке, остались вещи, — сказала Вера.

— Вещи не главное. Главное — вы.

Он подошёл к Лиде, наклонился, подхватил её на руки — легко, как пушинку. Мамина голова безжизненно свесилась набок, руки болтались как плети.

— Ты сможешь идти? — спросил он Веру.

— Попытаюсь.

— А сестру сможешь вести?

Вера посмотрела на Надю. Младшая открыла глаза — мутные, ничего не видящие.

— Надя, — позвала Вера. — Надя, вставай.

Надя не ответила. Она смотрела сквозь Веру, как сквозь стекло.

— Я возьму её на плечи, — сказал Андрей. — А ты держись за мою куртку. И не отпускай.

Он осторожно опустил Лиду на землю, потом подхватил Надю и перекинул через плечо — как мешок, но бережно, придерживая одной рукой. Надя обвисла тряпичной куклой, даже не пискнула.

Потом он снова поднял Лиду — теперь на руках, прижимая к груди. Две ноши. Две девочки. Одна из них — бывшая жена, которую он не видел много лет.

— Как вы… — начала Вера.

— Я сильный, — сказал Андрей. — Идём.

Он пошёл. Вера уцепилась за край его куртки и заковыляла следом. Ноги не слушались, перед глазами всё плыло, но она держалась.

— Вы говорили про других людей, — вспомнила Вера.

— Они в восьми километрах отсюда, — сказал Андрей, не оборачиваясь. — Я видел их прошлой ночью. Они охотятся на одиночек.

— Один мужчина приходил к нашей палатке. — Вера сглотнула. — Тот дядя, он дал нам шоколад… Мама его…

— Я понял, — сказал Андрей. — Не надо. Мама всё сделала правильно.

Он шёл быстро, но осторожно, переставляя ноги так, чтобы не споткнуться на корнях. Вера еле поспевала за ним.

Где-то позади, в глубине леса, хрустнула ветка.

— Не оборачивайся, — сказал Андрей. — Смотри только на меня.

Вера посмотрела на его спину. Широкая, прямая, куртка натянута на плечах.

— Андрей, — позвала она.

— М?

— Мама не ошиблась в вас?

Он помолчал секунду. Потом сказал:

— Надеюсь, что нет.

Лес сомкнулся за ними.

А где-то впереди, за деревьями, ждал бункер.

И неизвестность.

Глава 16.

Бункер появился из темноты внезапно — как будто земля разверзлась и выпустила наружу железобетонное чрево.

Андрей подошёл к массивной двери, обитой ржавым металлом, и нажал на скрытую панель. Что-то щёлкнуло. Где-то глубоко под землёй загудел мотор.

— Заходи, — сказал он Вере.

Она не могла идти. Ноги стали чужими, набитыми свинцом. Андрей подхватил её за локоть, втащил внутрь, потом вернулся за Лидой и Надей.

Вера стояла в узком коридоре и смотрела.

Стены из серого бетона, влажные, с подтёками. Пахло землёй, машинным маслом и чем-то ещё — едой, лекарствами, жизнью. Лампочка под потолком мигала тусклым жёлтым светом, отбрасывая длинные тени.

Дверь закрылась с глухим лязгом.

Андрей провернул рычаг — тяжёлый, ржавый — и задвинул засов. Вера слышала, как металл вошёл в паз. Как щёлкнул замок. Как где-то глубоко под землёй заурчала вентиляция.

— Мы в безопасности, — сказал Андрей. — Пока что.

Он положил Лиду на топчан у стены. Надю устроил рядом — на старом матрасе, прикрыв чьим-то пледом. Вера стояла посреди коридора, дрожа, и не могла пошевелиться.

— Андрей? — раздался женский голос из глубины бункера. — Андрей, это ты?

В дверном проёме показалась женщина. Лет тридцати пяти, худая, с острыми чертами лица и тёмными волосами, собранными в тугой пучок. На ней была старая флисовая кофта и тренировочные штаны. Глаза — колючие, недоверчивые — скользнули по Вере, потом по Лиде, потом по Наде.

— Какого черта, Андрей? — голос её был ледяным. — Кого ты ещё притащил?

Андрей выпрямился. Усталость читалась в каждом его движении — плечи опущены, лицо серое, под глазами тени.

— Это Лида, — сказал он. — И её дочери.

Лена замерла. Вера видела, как её лицо меняется — удивление, недоверие, потом злость. Острая, как нож.

— Лида? — переспросила она. — Твоя бывшая Лида?

— Да.

— Ты притащил в наш бункер твою бывшую жену?

— Их отравили в лесу, Лена. Я случайно нашёл их. Они были без сознания.

— Случайно? — Лена шагнула вперёд. Глаза сузились, голос стал выше, резче. — Ты ходил на разведку и случайно наткнулся на свою бывшую жену посреди леса? Ты считаешь меня дурой?

— Я не знал, что это она, — голос Андрея звучал устало, но терпеливо. — Я увидел женщину и девочек, пошёл проверить. Я узнал её уже на месте.

— И ты сразу решил притащить их сюда? Не подумал спросить у меня? Не подумал о нас? А если они заражены?

— Лена, они умирали.

— А мы? — Лена повысила голос. В тихом бетонном коридоре он звучал как выстрел. — Ты подумал о нас? О своей семье?

— Вы моя семья, — Андрей сделал шаг к ней, протянул руку. — Но они не враги.

Лена отшатнулась.

— Ты поддерживал с ней связь? — спросила она. — Всё это время? Пока мы здесь сидели, пока я каждый день боялась, что ты не вернёшься из леса — Как ты смог выйти с ней на связь?

— Не говори ерунды.

— Я спрашиваю: ты поддерживал с ней связь?

— Нет, — Андрей стиснул зубы. — Мы не общались много лет. Я не знал, где она. Не знал, жива ли. Я не знал даже, что у неё есть дети.

— И ты хочешь, чтобы я в это поверила?

— Мне плевать, во что ты веришь, — в голосе Андрея наконец появилась жёсткость. — Это правда.

Лена посмотрела на Лиду. Она лежала неподвижно, лицо белое, губы потрескались. Рядом — маленькая девочка с грязными светлыми волосами, которая что-то бормотала во сне.

— Сколько их? — спросила Лена.

— Трое. Женщина и две девочки.

— Трое, — повторила Лена. — Андрей, у нас запасы на год для троих. На шестерых их едва ли хватит на полгода не больше. Ты понимаешь, что ты сделал?

— Понимаю.

— Ты похоронил нас. Всех.

— Лена…

— Ты похоронил нас! — она почти кричала. Вера вжала голову в плечи, втянула шею, как черепаха. — Ради кого? Ради женщины, с которой ты развёлся много лет назад? Ради её детей, которых ты даже не видел?

— Они не виноваты, что мир рухнул.

— А я виновата? — Лена ткнула себя пальцем в грудь. — Я? Я сидела здесь, ждала тебя, молилась, чтобы ты вернулся живым. А ты привёл их. Привёл в наш дом. В наше убежище.

Андрей молчал.

— Ты не подумал о своей семье, — сказала Лена, уже тише, но от этого голос стал только страшнее. — Ты поступил как подонок.

— Лена, хватит.

— Подонок, — повторила она. — Ты притащил их сюда, не спросив меня. Не подумав, хватит ли еды. Не подумав о том, что они могут быть больны. Что они могут принести заразу. Что они — вообще кто угодно.

— Они не кто угодно. Это Лида.

— Лида, — Лена сплюнула. Впервые в жизни Вера видела, как женщина плюёт на пол от злости. — Лида, которую ты, видимо, так и не забыл. Лида, ради которой ты готов рискнуть нашими жизнями.

— Их отравили, Лена. Они умрут без помощи.

— И пусть, — сказала Лена.

Тишина стала вязкой, как смола.

Вера слышала, как бьётся её сердце. Как где-то капает вода. Как Лена дышит — часто, тяжело, со свистом.

— Мы уйдём, — сказала Вера.

Она сама не поняла, как эти слова вылетели. Они просто сорвались с языка — тихие, дрожащие, но твёрдые.

Лена обернулась. Уставилась на неё, как на привидение.

— Что? — спросила она.

— Мы уйдём, — повторила Вера. Её голос дрожал, но она старалась не плакать. — Папа скоро вернётся за нами. Он ушёл за припасами. Он просто застрял. Но он вернётся. И мы уйдём.

Андрей посмотрел на неё. Лицо его смягчилось. В глазах появилось что-то — боль, жалость, нежность.

— Вера, — сказал он тихо. — Никто никуда не уйдёт.

— Но ваша жена злится, — Вера сглотнула. — Мы не хотим проблем.

— Ты не создаёшь проблем, — Андрей подошёл к ней, присел на корточки, заглянул в глаза. — Слышишь? Всё будет хорошо. Вы останетесь здесь столько, сколько нужно.

— Андрей! — крикнула Лена.

— Заткнись, — сказал он.

Это прозвучало негромко, почти спокойно. Но Вера почувствовала, как этот голос режет воздух.

Лена замерла. Её лицо исказилось — гнев, обида, унижение.

— Что ты сказал? — прошептала она.

— Я сказал: заткнись, — Андрей выпрямился. — Иди спать. У нас будет тяжёлый день завтра.

— Ты не можешь мне приказывать.

— Могу. Это мой бункер. Мой отец строил его. Моя семья вкладывала в него деньги. А ты — моя жена и только, — он сделал шаг к ней, и его голос стал чуть мягче. — И сейчас ты ведёшь себя как эгоистка. Это мать и её дети, мы не можем остаться в стороне и позволить им умереть.

— А я?

— Ты жива, — сказал он. — Жива, потому что я каждый день хожу на разведку и ищу еду. Потому что я не даю нам умереть. И если я решил помочь им — ты будешь молчать.

Лена смотрела на него. Глаза её блестели — не то от слёз, не то от ярости.

— Ты пожалеешь об этом, — сказала она.

— Может быть, — Андрей кивнул. — Но сейчас иди спать.

Лена развернулась и ушла в глубину бункера. Хлопнула дверь. Где-то за бетонными стенами она что-то крикнула — не разобрать слов, только злой, надрывный голос.

Андрей постоял секунду, глядя ей вслед. Потом повернулся к Вере.

— Всё хорошо, — сказал он. — Не бойся.

— Она злая, — прошептала Вера.

— Она просто испугана, — Андрей покачал головой. — Мы все испуганы. Но я не дам вас в обиду.

Он подошёл к Лиде, проверил пульс, потрогал лоб.

— У неё жар, — сказал он. — И у сестры твоей тоже. Нужна вода и лекарства. Я принесу.

Вера смотрела на маму. На её бледное лицо, на посиневшие губы, на влажный лоб.

— Андрей, — позвала она.

— М?

— Спасибо.

Он посмотрел на неё усталыми глазами и слабо улыбнулся.

— Не за что, — сказал он. — Вы — семья. Может быть, не по крови. Но Лида была важна для меня когда-то. И вы теперь тоже важны.

Он ушёл в другую комнату. Вера слышала, как он гремит банками, льёт воду, шуршит пакетами.

Она села на пол рядом с топчаном, где лежала мама, и взяла её за руку. Холодную, неподвижную.

— Мам, — прошептала Вера. — Мы в бункере. Нас нашёл Андрей. Мы в безопасности. Только просыпайся скорее. Пожалуйста.

Лида не ответила.

Где-то за стеной ходила взад-вперёд Лена — злая, обиженная, опасная.

Андрей вернулся с водой и аптечкой.
Вера держала маму за руку и молилась всем богам, имена которых даже не знала.

Глава 17.

Сознание возвращалось медленно, как вода, которая сочится сквозь трещину в плотине.

Лида слышала голоса. Неразборчивые, далёкие, как радио на другой волне. Они то приближались, то отдалялись, смешиваясь с гулом вентиляции и капающей водой.

Потом голоса стали громче.

— Она шевелится, — сказал кто-то.

— Отойди, дай ей воздух.

Послышались удаляющиеся шаги и голоса стихли. Лида открыла глаза.

Над ней нависал бетонный потолок. Серый, влажный, с трещиной, идущей от угла к углу. Лампочка под потолком мигала — тускло, устало, как больной глаз.

— Лида, — сказал голос. — Лида, слышишь меня?

Она повернула голову.

Рядом сидел мужчина. Высокий, худой, в тёмной куртке. Лицо было в тени, но глаза — светлые, усталые — смотрели пристально и взволнованно.

— Андрей? — голос Лиды был чужим — хриплым, сухим, как осенняя листва. — Андрей, это ты?

— Я, — он улыбнулся краем губ. — Узнала.

— Боже, — Лида попыталась сесть, но тело не слушалось. Руки дрожали, голова кружилась. — Девочки? Где девочки?

— Тихо-тихо, — Андрей придержал её за плечо. — С ними всё в порядке.

— Вера? Надя?

— Спят, — он кивнул в угол комнаты. Лида повернула голову и увидела их — две маленькие фигурки на старом матрасе, укрытые пледом. Надя свернулась калачиком, Вера лежала на спине, раскинув руки.

— Они живы? — прошептала Лида.

— Живы, — Андрей убрал руку с её плеча. — Слабы, но живы. Мы промыли им желудки, дали воду. Сейчас самое главное — покой и тепло.

Лида закрыла глаза и выдохнула. Так глубоко, как будто не дышала всё время, пока была без сознания.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо тебе.

— Не за что, — Андрей отодвинулся, сел на табуретку у стены. — Ты как?

— Жива.

— Я вижу. Дура ты, Лида.

Она открыла глаза. Посмотрела на него удивлённо.

— Что?

— Дура, — повторил он. — Отправилась одна с двумя детьми через лес. В этом мире. Без оружия. Без запасов. Ты что, смерти захотела?

— У меня не было выбора, — голос Лиды стал твёрже. — Еда кончилась. Вода кончилась. Дом был не защищён. Мы бы умерли там в любом случае.

— И ты решила идти ко мне?

— Я знала, что ты поможешь, — Лида посмотрела ему в глаза. — Верила, что не откажешь.

Андрей молчал. В его взгляде читалось что-то — боль, сожаление, может быть, вина.

— Лена в ярости, — сказал он после паузы. — Она считает, что я похоронил нас всех. Еды не хватит.

— Я уйду, — быстро сказала Лида. — Как только встану на ноги.

— Ты никуда не уйдёшь.

— Андрей…

— Я сказал — никуда, — он повысил голос. — Ты в бункере. Ты под моей защитой. Я не отпущу тебя в лес с двумя детьми.

— Я не собираюсь брать детей в лес, — сказала Лида.

Андрей замер.

— Что?

— Я оставлю их здесь. С тобой.

— Лида, о чём ты говоришь?

— О муже, — она села на топчане, преодолевая головокружение. — Сергей. Он ушёл за припасами на склад и не вернулся. Я знаю — он жив. Я должна пойти за ним.

— Ты едва стоишь на ногах, — Андрей покачал головой. — Ты не дойдёшь.

— Дойду.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я мать, — Лида посмотрела ему в глаза. — И потому что я жена.

Андрей встал. Прошёлся по узкому коридору, засунув руки в карманы.

— И куда ты собралась? Где этот склад?

— В промзоне, — сказала Лида. — За старым мостом. Дальше на север.

— Я могу сходить, — сказал Андрей. — У меня есть карта, я найду.

— Нет, — Лида покачала головой. — Ты не знаешь это место. Я была там с ним. Я знаю, где вход, какие обходные пути, где можно спрятаться.

— Лида…

— Андрей, послушай меня, — её голос стал твёрдым, как сталь. — Я иду сама. Девочки остаются с тобой. Если я не вернусь… — она запнулась, сглотнула ком в горле. — Если я не вернусь, позаботься о них.

— Не говори ерунды, — он подошёл к ней, сел рядом. — Ты вернёшься.

— Обещай мне, Андрей.

— Лида…

— Обещай, что позаботишься о них, даже если я не вернусь, — она схватила его за руку. — Обещай.

Он смотрел на её пальцы, вцепившиеся в его запястье. Потом поднял глаза.

— Обещаю, — сказал он тихо. — Но ты вернёшься. Ты сильная. Ты всегда была сильной.

Лида убрала руку и откинулась на подушку. Глаза закрылись сами собой — веки стали тяжёлыми, как свинцовые.

— Я уйду завтра, — сказала она. — Сейчас мне нужно восстановить силы. И нужна еда. И вода. И нож.

— Будет, — Андрей кивнул. — Отдыхай.

— И ещё…

— Что?

— Не говори девочкам. Особенно Вере. Она будет волноваться.

Андрей помолчал. Потом встал.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я пошёл с тобой? — спросил он.

— Уверена, — Лида не открыла глаз. — Ты нужен здесь. Девочкам. И Лене, даже если она злится.

Андрей ничего не ответил.

Лида слышала, как он вышел из комнаты. Как закрылась дверь. Как где-то в глубине бункера снова заговорили двое — тихо, напряжённо. Лена и Андрей.

Она не разбирала слов. И не хотела.

Она думала о Сергее. О его руках — больших, шершавых, которые держали её, когда она падала. О его голосе — хриплом, сонном, который говорил ей каждое утро: «Просыпайся, любимая».

«Я приду за тобой, — прошептала она. — Я обещаю».

За стеной продолжался тихий, злой спор.

А наверху, в лесу, уже смыкалась тьма.

Где-то там, в промзоне, в холодном подвале, Сергей стучал по трубе.

Три удара. Пауза. Три удара.

Ждал. Спасения или гибели.

Глава 18.

Вера проснулась от того, что кто-то гладил её по голове.

Рука была тёплой, знакомой. Пальцы скользили по волосам медленно, как будто хотели запомнить каждую прядь.

— Мама? — прошептала Вера, не открывая глаз.

— Я здесь, — голос матери был тихим, чуть хриплым. — Я рядом.

Вера открыла глаза.

Мама сидела на краю матраса. Лицо бледное, под глазами тени, но глаза — живые, твёрдые. Она улыбалась. Той улыбкой, которая не поднимается до глаз.

— Ты жива, — Вера села, обхватила маму за шею. — Ты жива!

— Жива, жива, — Лида гладила её по спине. — Всё хорошо, маленькая.

— А Надя?

— Спит. Всё будет хорошо.

Вера отстранилась, посмотрела на мать. Что-то было не так. В её взгляде, в том, как она держалась — слишком прямо, слишком напряжённо.

— Мам, что случилось?

— Ничего, — Лида убрала прядь волос с Веркиного лица. — Всё хорошо.

— Ты врёшь.

Лида замерла на секунду. Потом опустила руки.

— Вера…

— Я знаю, когда ты врёшь, — голос Веры дрогнул. — Ты всегда так делаешь. Улыбаешься, но глаза грустные. Что случилось?

Лида молчала. Смотрела на дочь — на её тёмные кудри, на серые глаза, такие серьёзные не по возрасту, на сжатые губы.

— Ты хотела пойти за папой, да? — сказала Вера. — Ты говорила Андрею. Я слышала.

— Ты слышала?

— Я не спала. Я слышала всё.

Лида закрыла глаза на секунду. Потом открыла.

— Да, — сказала она. — Я ухожу за папой.

— Когда?

— Сегодня.

Вера сжала кулаки. Губы задрожали, но она не заплакала. Она была старшей. Она не имела права плакать.

— А мы?

— Вы остаётесь здесь. С Андреем. Он позаботится о вас.

— А если ты не вернёшься?

— Вернусь, — Лида взяла её лицо в ладони. — Слышишь меня? Вернусь.

— Но папа тоже обещал вернуться. И не вернулся.

Эти слова ударили Лиду, как пощёчина. Она знала, что Вера скажет это. Знала, но всё равно больно.

— Я не папа, — сказала Лида. — Я вернусь. И приведу его с собой.

— Не ходи, — прошептала Вера. — Пожалуйста, не ходи. Я боюсь.

— Я тоже боюсь, — Лида прижала её к себе. — Но если я не пойду, папа умрёт. Ты хочешь, чтобы папа умер?

— Нет.

— И я не хочу.

— Почему ты не можешь взять нас с собой?

— Потому что это слишком опасно, — Лида отстранилась, заглянула в глаза дочери. — Ты и Надя — самое дорогое, что у меня есть. Я не могу рисковать вами.

— А собой можешь?

— Я — мать. Я должна рисковать собой.

Вера сжала губы, пытаясь сдержать слёзы. Они всё равно текли — по щекам, по подбородку, капали на колени.

— А Надя? — спросила Вера. — Мама, она должна знать.

— Да, — Лида кивнула головой.

— Она будет плакать.

— Знаю, — голос Лиды дрогнул. — Но я не могу уйти, не попрощавшись.

Лида наклонилась к Наде. Младшая спала на боку, поджав колени к животу, заяц с оторванным ухом был зажат у неё под мышкой. Лицо спокойное, губы чуть приоткрыты.

Лида погладила её по щеке.

— Надя, — позвала она шёпотом. — Надя, проснись.

Надя не шевелилась.

— Наденька, родная, проснись.

Глаза младшей дрогнули. Открылись — мутные, сонные. Увидели маму.

— Мам? — прошептала Надя. — Ты здесь?

— Я здесь, маленькая.

— А где мы?

— В безопасном месте. У хорошего человека.

Надя села. Осмотрелась — бетонные стены, тусклая лампочка, Вера с красными глазами рядом.

— А папа? — спросила она. — Папа пришёл?

— Пока нет, — Лида взяла её за руку. — Но я пойду за ним.

Надя замерла.

— Ты уходишь?

— Да.

— Без нас?

— Да.

— Нет, — Надя выдернула руку. — Нет, не ходи. Я боюсь одна.

— Ты не одна. Ты с Верой. И с Андреем. Он защитит вас.

— Я не хочу Андрея! — Надя заплакала. Громко, в голос, как умеют плакать только маленькие дети — без стыда, без сдерживания эмоций. — Я хочу маму! Не уходи! Пожалуйста, не уходи!

Лида обняла её. Крепко, как будто хотела впитать в себя, спрятать от всего мира.

— Тише, тише, маленькая.

— Мама, не уходи, — всхлипывала Надя. — Я не могу без тебя. Я маленькая. Мне страшно.

— Знаю, — Лида гладила её по голове. — Знаю, родная. Мне тоже страшно.

— Тогда зачем ты идёшь?

— Потому что папа один. Он ждёт меня. Если я не пойду, он никогда уже не вернется. Ты хочешь, чтобы папа вернулся?

— Да, — сквозь слёзы сказала Надя. — Но я не хочу, чтобы умерла ты.

— Я не умру, — Лида отстранилась, вытерла слёзы с Надиных щёк. — Посмотри на меня.

Надя подняла заплаканные глаза.

— Я обещаю тебе, — сказала Лида. — Я вернусь. И приведу папу.

— Правда?

— Правда.

— Поклянись, — прошептала Вера.

Лида повернулась к старшей дочери. Вера смотрела на неё — с болью, с надеждой, с требованием.

— Поклянись, что вернёшься, — повторила Вера.

Лида взяла руку Веры и положила себе на сердце.

— Клянусь, — сказала она. — Клянусь жизнью. Клянусь вами. Я вернусь.

Вера сжала губы, кивнула и крепко обняла мать.

Надя повисла на ней с другой стороны. Две маленькие фигурки, прижавшиеся к женщине, которая собиралась идти в темноту.

— Я скоро, — прошептала Лида. — Вы даже не успеете соскучиться.

— Неправда, — сказала Надя в её плечо. — Я уже скучаю.

Лида закрыла глаза. Слезы текли по её щекам, капали на детские головы.

— Я люблю вас, — сказала она. — Больше всего на свете.

— Мы тоже, — сказала Вера.

— Мы тебя любим, — добавила Надя.

Они сидели так — три хрупкие фигуры в бетонной коробке под землёй. Мать и две дочери. Три сердца, которые бились в унисон.

За стеной гудела вентиляция. Где-то далеко, в лесу, ветер шевелил листву.

Андрей заглянул в комнату, но ничего не сказал. Только кивнул Лиде — мол, пора.

Лида отстранилась. Встала. Посмотрела на девочек — на заплаканные лица, на мокрые щёки, на дрожащие губы.

— Ждите меня, — сказала она.

— Мы будем, — Вера кивнула.

— Мы будем ждать, — прошептала Надя.

Лида надела куртку. Проверила нож на поясе. Фляжку с водой. Небольшой мешок с едой — Андрей собрал по минимуму.

— Вера, — сказала она, остановившись в дверях. — Ты теперь за старшую. Береги сестру.

— И ты, — ответила Вера.

Лида улыбнулась. Потом повернулась и пошла по коридору.

Девочки смотрели ей вслед.

В дверях она обернулась. Один раз. На секунду.

— Я рядом, — сказала она. — Слышите? Я всегда рядом.

Дверь закрылась.

Где-то за бетоном лязгнул засов.

И наступила тишина.

Вера обняла Надю. Они сидели на матрасе, прижавшись друг к другу, и слушали, как затихают мамины шаги.

— Она вернётся, — сказала Вера. — Она обещала.

— А если нет? — прошептала Надя.

Вера посмотрела на закрытую дверь.

— Значит, мы пойдём за ней, — сказала она.

Надя заплакала снова.

Но Вера не плакала. Она была старшей.

И старшие не плачут при младших. Только не в этом мире.

Глава 19.

Пашка увидел трубу первым.

Она торчала из земли метрах в пятидесяти от них, прикрытая кучей старого валежника. Но валежник съехал — может быть, ветром сдуло, может быть, звери разрыли. Из-под веток блестел металл. Ржавый, но живой.

— Глеб, — позвал он шёпотом. — Глянь.

Глеб подошёл, присел на корточки. Провёл пальцами по трубе. Почувствовал холодный металл, потом — едва заметное движение воздуха.

— Вентиляция, — сказал он. — Здесь кто-то есть.

Зоя подошла с другой стороны, опираясь на монтировку. Её лицо в тусклом свете луны казалось маской — ни страха, ни удивления, только усталость и тупая злость.

— Бункер, — сказала она. — Богатые уроды построили себе нору.

— Неважно, кто построил, — Глеб поднялся, вытер руки о штаны. — Важно, что внутри.

Он посмотрел на склон холма. Труба вела куда-то под землю, но вход должен быть рядом. Глеб обошёл холм, держась теней. Пашка семенил за ним, стараясь не шуметь. Зоя осталась у трубы — она умела ждать, умела слышать.

Глеб нашёл дверь через десять минут.

Она была врыта в землю, под старой берёзой. Массивная, железная, с ржавыми петлями и глазком. Снаружи — ни ручки, ничего, за что можно было бы ухватиться. Только гладкий металл.

— Запечатались, — прошептал Пашка. — Как консервы.

— Значит, есть что прятать, — Глеб опустился на корточки, прижал ухо к двери.

Тишина.

Он постучал. Три удара костяшками. Глухо.

Никто не ответил.

— Может, никого нет? — спросил Пашка.

— Вентиляция работает. Значит, внутри есть кто-то живой. Или что-то.

Глеб отошёл от двери, забрался в кусты. Устроился так, чтобы видеть и дверь, и склон холма.

— Будем ждать, — сказал он.

— Сколько? — спросил Пашка.

— Столько, сколько понадобится.

Они ждали.

Внутри бункера Андрей стоял у экрана.

Маленький, старый монитор, подключённый к камере наружного наблюдения. Отец установил их ещё десять лет назад — для охраны периметра. Тогда Андрей смеялся, говорил, что отец параноик. Да и вообще сама идея бункера казалось ему безумной.

Сейчас он не смеялся.

На экране было тёмно, только серые пятна деревьев и неба. Но секунду назад что-то мелькнуло. Движение.

— Андрей? — Лена заглянула в комнату. — Ты чего не спишь?

— Подойди сюда.

Она подошла. Посмотрела на экран.

— И что там?

— Кто-то есть снаружи.

Лена замерла. Потом её лицо исказилось — страх смешался со злостью.

— Это они, — сказала она. — Та шайка, которая охотится на людей.

— Может быть.

— Ты же говорил, что они далеко и не найдут нас.

— Говорил. Но они смогли.

— Из-за неё, — Лена скрестила руки на груди. — Из-за твоей бывшей. Они пришли за ней.

— Лена…

— Я знаю! — она не кричала, но голос её звенел, как натянутая струна. — Я знала, что это кончится плохо. Ты привёл их в наш дом. Ты открыл дверь чужакам. И теперь они здесь. Они знают про нас.

Андрей не ответил. Он смотрел на экран, пытаясь разглядеть хоть что-то в серой ряби.

— Что же делать, как теперь выходить… — сказала Лена.

— Мы не знаем, сколько их. Если они устроили засаду у выхода…— вслух размышлял Андрей не обращая внимания на женщину.

— Тогда мы умрём здесь. Сидя на запасах, которые кончаются.

Андрей нажал кнопку на пульте. Экран погас.

— Я посмотрю, — сказал он. — Сейчас выйду через чёрный ход и посмотрю, что там. Ключ не беру.

— А если они увидят?

— Не увидят. Я знаю этот лес.

Он взял нож, накинул куртку.

— Не открывай дверь никому, — сказал он. — Когда я приду я постучу пять раз и назову пароль.

— Какой пароль?

— Дата рождения Саши. Поняла?

Лена кивнула. Её лицо было белым, глаза блестели.

Андрей вышел. Лена осталась одна в комнате с монитором.

Она смотрела на погасший экран и слушала, как за стеной гудит вентиляция.

Глава 20.

Андрей вернулся через час.

Лена встретила его в коридоре с ножом в руке — она почти не дышала, ждала, вслушиваясь в каждый шорох.

— Трое, — сказал Андрей, снимая куртку. — Мужчина, женщина, парень. Сидят в кустах у двери.

— Они знают, что мы здесь?

— Знают. Пока только наблюдают.

Лена опустила нож. Плечи её обвисли.

— Что нам делать?

— Мы меняем план, — сказал он. — Лида не может идти через лес пешком. Эти трое перекроют ей дорогу.

— И что ты предлагаешь? — спросила Лена. Голос её стал колючим, как проволока.

— Она поедет на машине.

Тишина стала вязкой. Лена смотрела на Андрея так, как будто он ударил её.

— Нет, — сказала она.

— Лена…

— Нет, Андрей. Нет. Ты не отдашь ей машину.

— У нас есть гараж. Она может выехать оттуда.

— А если мы сами будем уходить? Если эти трое вскроют дверь, а у нас не будет транспорта?

— Если они вскроют дверь, нам уже не поможет ни машина, ни бог, — Андрей говорил спокойно, но в голосе чувствовалась сталь. — Лида должна добраться до мужа. Это наш единственный шанс.

— Наш шанс? — Лена повысила голос. — Ты слышишь себя? Наш? С каких пор эта чужая женщина — наша?

— Она не чужая, — сказал Андрей. — Она мать двоих детей, которые сейчас здесь с нами. И если мы не поможем ей — никто не поможет.

— А ты не думал, что эти трое пришли именно из-за неё? Что они выследили её и пришли за ней? И теперь мы в ловушке из-за того, что ты притащил её сюда?

— Лена, хватит.

— Не хватит! — она почти кричала. — Ты рискнул нами! Нашей безопасностью! Нашей едой! Нашей жизнью! Ради кого? Ради женщины, с которой ты когда-то кувыркался?

Андрей подошёл к ней вплотную. Говорил тихо, но так, что у Лены перехватило дыхание.

— Если ты захочешь уйти — уходи. Я не держу. Но машину я даю Лиде.

— Ты не можешь!

— Могу. Это мой бункер. Моя машина. Моё решение.

Они стояли друг напротив друга — муж и жена, разделённые ненавистью, которая выросла из страха.

— Ты пожалеешь, — прошептала Лена.

— Может быть, — сказал Андрей. — Но сейчас у нас нет выбора.

Гараж находился в глубине бункера, за второй гермодверью.

Андрей открыл замок, включил свет. В тусклых лампах засверкала старая «Нива» — отцовская машина, которую он хранил для чёрного дня. Серый кузов, ржавые колёсные арки, но двигатель был в порядке. Андрей проверял её каждую неделю.

— Бензина немного, — сказал он, хлопнув по капоту. — Но должно хватить туда и обратно.

Лида стояла рядом. Она уже собралась — нож на поясе, маленький рюкзак с водой и сухарями. Лицо бледное, под глазами тени, но взгляд твёрдый.

— Спасибо, Андрей, — сказала она.

— Не благодари, — он не смотрел на неё. — Просто возвращайся и привези мужа живым.

— Обязательно.

Он открыл дверь, пропуская её в гараж.

— Вот ключ, не забудь закрыть вход. Выезд через туннель. Он выведет тебя на старую дорогу, в километре от бункера. Эти трое тебя там не увидят.

Лида кивнула. Села за руль. Ключ повернулся — двигатель чихнул, закашлял, потом заурчал ровно.

Андрей наклонился к открытому окну.

— Слушай, — сказал он тихо. — Прости за Лену. Она просто боится.

— Я понимаю, — Лида сжала руль. — Я бы на её месте боялась так же.

Они посмотрели друг на друга. Много лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз. Целая жизнь.

— Андрей, — сказала Лида. — Я никогда не забуду, что ты для меня сделал.

— Ты бы сделала то же самое, — он отступил на шаг. — Поезжай. Время идёт.

Лида закрыла дверь и тронулась с места.

Андрей смотрел, как машина уезжает в туннель, как красные габаритные огни становятся всё меньше и меньше, пока не исчезают в темноте.

Потом он пошёл обратно.

Глава 21.

Дорога до промзоны заняла около часа.

«Нива» шла тяжело — колёса вязли в грязи, двигатель чихал, но не сдавался. Лида вела машину, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели. Глаза щипало от усталости, но она не могла позволить себе остановиться.

Не сейчас.

Склад появился из темноты внезапно — огромное серое здание с провалившейся крышей и выбитыми окнами. Вокруг — ржавые контейнеры, битое стекло, старые поддоны. Место, где мир кончился задолго до вируса.

Лида заглушила двигатель. Тишина ударила по ушам — тяжёлая, вязкая. Она вылезла из машины, достала нож.

— Сергей, — прошептала она. — Я здесь.

Никто не ответил.

Она пошла к зданию. Дверь была сорвана с петель — кто-то вломался до неё. Внутри пахло плесенью, сыростью и чем-то сладковатым — разлагающимся. Лида включила фонарик, луч заметался по стенам.

Пустые стеллажи. Ржавые бочки. Разбитые ящики.

— Сергей! — крикнула она уже громче.

И тогда услышала.

Стук.

Три удара. Пауза. Три удара.

Доносилось откуда-то снизу, из-под пола.

Лида бросилась на звук. Обогнула стеллажи, споткнулась о какой-то ящик, упала, поднялась. Луч фонарика скользил по бетонному полу, пока не упёрся в груду обломков.

Балка. Тяжёлая, железобетонная. Она рухнула с потолка, завалив вход в подвальное помещение. В щели между балкой и стеной виднелась темнота.

— Сергей! — Лида упала на колени, заглянула в щель. — Ты там?

— Лида? — голос был хриплым, слабым, но живым. — Лида, это ты?

— Я, я! — у неё перехватило дыхание. Слёзы навернулись на глаза, но она сдержала их. — Ты жив?

— Жив… чудом… — голос Сергея дрожал. — Я обессилен… без еды… вода капала из трубы…

— Я тебя вытащу, — Лида схватилась за балку, потянула. Та не сдвинулась. — Чёрт!

— Не надо руками… там сбоку… домкрат… я его нашёл, когда завалило… но не мог достать… он в проходе…

Лида обошла завал. У стены, заваленный щебнем, лежал старый гидравлический домкрат. Она откинула камни, подняла его — тяжёлый, но рабочий.

— Отойди подальше! — крикнула она.

— Отошёл!

Лида подсунула домкрат под балку, начала качать. Рычаг не слушался — руки скользили, мышцы горели. Но балка дрогнула.

Ещё качок. Ещё.

Скрежет металла, треск бетона. Балка приподнялась на несколько сантиметров.

— Сейчас! — крикнул Сергей.

Из щели показалась рука — грязная, с ободранными пальцами. Потом плечо. Потом Сергей вывалился наружу, прямо в груду щебня.

Он лежал на спине, тяжело дыша, и смотрел в потолок мутными глазами. Борода отросла, лицо осунулось, губы потрескались.

— Ты пришла, — прошептал он.

— Я бы никогда тебя не бросила, — Лида упала на колени рядом, обхватила его лицо ладонями. — Дурак ты.

— Знаю, — он слабо улыбнулся.

Она не выдержала. Слёзы хлынули сами — Лида плакала, прижимаясь щекой к его грязной щеке, чувствуя запах пота, голода и страха. Он обнял её — слабо, почти беспомощно, но не отпускал.

— Девочки? — спросил он.

— В безопасности, — Лида отстранилась, вытерла слёзы. — В бункере. У Андрея.

— У Андрея? — Сергей напрягся.

— Да, у Андрея. Моего бывшего мужа. Долго объяснять. Но он свой. Он помогает.

Сергей попытался встать — ноги не слушались. Лида подхватила его под руку, помогла подняться.

— Еле стоишь, — сказала она.

— Столько дней без еды, — повторил он. — Ты бы тоже еле стояла.

— Есть хочешь?

— Умираю.

Лида достала из рюкзака сухарь и флягу с водой. Сергей взял трясущимися руками, откусил маленький кусочек, запил. Закашлялся.

— Медленнее, — сказала Лида. — Не торопись.

— Не могу, — он всё же сделал ещё глоток. — Боюсь, что это сон. Что проснусь — а я всё ещё там, под балкой.

— Это не сон, — Лида сжала его руку. — Я здесь. Девочки ждут. Мы идём в бункер, там безопасно.

Она помогла ему дойти до машины. Сергей рухнул на пассажирское сиденье, закрыл глаза. Дышал тяжело, но ровно.

Лида села за руль, завела двигатель.

— Сколько бензина? — спросил Сергей.

— Должно хватить до бункера.

— Если не хватит?

— Дойдём пешком, — сказала Лида. — Я не брошу тебя, буду тащить если надо.

Она развернула машину и выехала на дорогу.

Лес темнел по обеим сторонам. Фары выхватывали из темноты стволы деревьев, мокрую листву, пустоту.

Сергей смотрел в окно и молчал.

— Ты как? — спросила Лида.

— Думаю, — сказал он. — О том, что я вам устрою, когда мы доберёмся до девочек.

— Что устроишь?

— Обниму так, что кости треснут, — он повернул голову, посмотрел на неё. — И больше никогда не отпущу.

Лида улыбнулась сквозь слёзы.

— Договорились.

Машина шла по разбитой дороге, подпрыгивая на кочках и корнях.

Где-то впереди ждал бункер, в котором девочки ждали родителей и молились в объятиях друг друга.

И где-то в лесу ждали те, кто очень хотел тоже попасть внутрь.

Глава 22.

«Нива» ехала всё медленнее.

Сначала Лида не придала этому значения — дорога была разбитой, колёса вязли в грязи, машина чихала, но тянула. Потом стрелка топливного датчика дрогнула и поползла вниз.

— Нет, — прошептала Лида. — Только не сейчас.

Сергей дремал на пассажирском сиденье, обессиленный, откинув голову на подголовник. Лида не стала его будить. Он и так еле держался — столько времени без еды, почти без воды, в темноте, под завалом. То, что он вообще шёл, было маленьким чудом.

— Ну давай, — сказала она машине, погладив руль. — Ещё немного. Ещё десять километров.

«Нива» кашлянула. Дёрнулась. И замолчала.

Стрелка бензина упала на ноль.

Лида выругалась — тихо, сквозь зубы. Она никогда не ругалась при детях. Но детей рядом не было. А был только лес, темнота и муж, который почти не мог идти.

— Что? — Сергей открыл глаза. — Что случилось?

— Бензин кончился, — сказала Лида.

Она вылезла из машины, обошла её, открыла капот. Бесполезно. Она ничего не понимала в двигателях. Просто смотрела на железо, провода и трубки, как будто это могло помочь.

— Я не механик, — сказала она в пустоту.

— Не надо быть механиком, — голос Сергея был слабым, но твёрдым. — Чтобы понять, что без бензина машина не едет.

Лида опустила капот. Подошла к пассажирской двери, открыла её.

— Нам придётся идти пешком, — сказала она.

Сергей посмотрел на неё. Его лицо было серым, глаза запали, губы потрескались.

— Сколько километров?

— Примерно десять.

Сергей закрыл глаза. На секунду Лиде показалось, что он потерял сознание. Но нет — он просто собирался с силами.

— Дай мне пять минут, — сказал он. — И пойдём.

Лида хотела сказать, что у них нет пяти минут. Что в лесах бродят опасные люди и ждут. Что девочки одни в бункере с чужой женщиной, которая их ненавидит.

Но она промолчала.

Она села на капот, достала флягу, сделала глоток. Протянула Сергею.

— Пей.

Он выпил. Не торопясь, маленькими глотками, чтобы не вырвало.

— Вера…

— Вера сильная, — сказала Лида. — Как ты.

— Скорее как ты. А Надя?

— Тоже. Плакала, когда я уходила.

Сергей сжал флягу так, что пальцы побелели.

— Я должен был быть там. С вами.

— Ты не виноват, что застрял.

— А кто виноват? — он открыл глаза. — Я сам полез в этот склад. Сам полез в подвал. Сам не посмотрел на потолок.

— Ты хотел принести еду, — Лида взяла его за руку. — Ты хотел накормить семью. Это не вина. Это ответственность. И любовь.

Сергей ничего не сказал. Просто сжал её пальцы и не отпускал.

Через пять минут они пошли.

Лес встретил их тишиной.

Лида шла первой, освещая дорогу фонариком — его света хватало на пять шагов вперёд, не больше. Сергей плёлся сзади, цепляясь за её рюкзак. Каждый шаг давался ему с трудом — ноги подкашивались, дыхание было хриплым, как у старого двигателя.

— Держись, — сказала Лида.

— Держусь, — выдохнул он.

Она сбавляла шаг, чтобы он не отставал. Но знала — нужно спешить. Время уходило. Каждая минута могла стоить жизни.

— Расскажи что-нибудь, — попросил Сергей. — Чтобы не заснуть.

— О чём?

— О девочках. О том, как они без меня.

Лида не знала, с чего начать. Рассказала про палатку и про то, как они сидели в ней в лесу и вспоминали как Надя испачкала потолок клубничным мороженым.

Сергей слушал молча. Лида не видела его лица в темноте, но слышала, как он дышит — чаще, тяжелее, чем от усталости.

— Я помню, — тихо сказал он. — Хороший был день.

— Ещё будет много хороших дней, — сказала Лида. — Даже в этом новом мире. Потому что мы вместе. Ты только держись.

Он не ответил.

Через два часа Лида поняла, что Сергей не дойдёт.

Он почти волочил ноги, дыхание стало прерывистым, он то и дело спотыкался о корни.

— Отдохни, — сказала Лида.

— Нет, — он упрямо мотнул головой. — Я пойду.

— Ты упадёшь.

— Значит, встану.

Он сделал ещё несколько шагов и рухнул на колени. Тяжело дышал, упираясь руками в землю.

— Сергей, — Лида опустилась рядом. — Серёжа, посмотри на меня.

Он поднял голову. Его лицо в свете фонарика было белым, как мел. Глаза мутные — на грани обморока.

— Я не могу, — прошептал он. — Лида, я не могу. Иди без меня. Спасай девочек.

— Нет.

— Иди! — он почти крикнул. — Я догоню. Или не догоню — но ты должна быть с ними.

Лида посмотрела на него долгим взглядом. Потом сняла рюкзак и кинула на траву, оставила только нож, подошла к Сергею сзади и подхватила его под руки.

— Вставай, — сказала она. — Я понесу тебя.

— Лида…

— Я сказала — вставай! — она рванула его вверх, заставила выпрямиться. Он был тяжелее её, но она не думала об этом. Она просто шла, волоча его за собой, как мешок с костями.

— Обними меня за шею, — приказала она.

Он послушался.

Она пошла. Медленно, тяжело, каждый шаг давался с болью — спина ныла, ноги гудели, в груди горело. Но она шла.

— Ты сумасшедшая, — прошептал Сергей ей в ухо.

— Я мать и жена, — ответила Лида. — Это хуже.

Через час лес начал редеть.

Лида узнала это место. Старый мост через ручей, за ним — холм, а за холмом — бункер.

— Почти пришли, — сказала она. — Слышишь? Почти.

Сергей не ответил. Он потерял сознание минут двадцать назад, обмяк на её плече как тряпичная кукла. Но Лида продолжала тащить его. Она не могла остановиться. Потому что если она остановится — он умрёт. А если он умрёт — девочки потеряют отца. А если девочки потеряют отца — она потеряет себя.

Она вышла на поляну.

Фонарик осветил знакомую дверь — массивную, железную, врытую в землю.

Бункер.

Но что-то было не так.

Лида опустила Сергея на землю, перевела дыхание и пригляделась.

Дверь была закрыта. Вокруг — никого.

— Андрей? — позвала она тихо. — Андрей, это я!

Тишина.

И тут она услышала.

Шелест. За спиной.

— А вот и гости пожаловали, — сказал голос. Холодный, спокойный, как лёд.

Лида обернулась.

Из-за деревьев выходили они.

Трое.

Глеб шёл первым. Нож в опущенной руке. Зоя — с монтировкой. Пашка — сзади, с дрожащими коленями и ножом поменьше.

— Мы вас заждались, — Глеб улыбнулся. — Проходите, не стесняйтесь.

Лида выхватила нож. Встала между Сергеем и этой троицей.

— Не подходите, — сказала она.

— Ой, какая смелая, — Зоя сплюнула. — Прямо как тогда с Борисом. Это ведь ты перерезала ему горло, да?

— Я сказала — не подходите.

Глеб сделал шаг вперёд.

Лида сжала нож.

Она знала — в этот раз уйти просто так не получится.

Глава 23.

Лида стояла между Сергеем и тремя фигурами, выступившими из темноты.

Нож в её руке был маленьким — кухонным, тем самым, который она взяла из дома. Против монтировки Зои и двух ножей Глеба и Пашки он казался игрушечным. Но она сжала рукоятку так, что костяшки побелели.

— Уходите, — сказала она. — Последний раз говорю.

— Слышите, какая грозная, — Глеб усмехнулся. — Борису тоже так говорила?

— Борис получил, что заслужил.

— А мы получим то, что нам причитается, — Зоя шагнула вперёд, перекинула монтировку из одной руки в другую. — Еда. Вода. Лекарства. Всё, что вы спрятали в своей норе.

— Там дети, — сказала Лида. — Маленькие девочки. Вы не тронете их.

— Дети не в счёт, — Глеб поднял нож. — Если они не мешают.

— Они не мешают. Но я — буду.

Лида шагнула навстречу.

Она не знала, что делает. Её тело двигалось быстрее, чем голова. Нож рассек воздух — Глеб отшатнулся, не ожидая такой прыти.

— Зоя! — крикнул он. — Заходи слева!

Зоя обошла Лиду сбоку, замахнулась монтировкой. Лида пригнулась — удар пришёлся в плечо, не в голову. Боль пронзила руку, но она не выпустила нож.

— А-а-а! — закричала она и полоснула Зою по руке, которой та держала монтировку. Лезвие вспороло рукав куртки и кожу под ним. Зоя взвизгнула, отступила, прижимая рану к груди.

— Ты! — она смотрела на свою кровь, потом на Лиду. — Ты заплатишь за это!

— Пашка, не стой, как пень! — рявкнул Глеб. — Помогай!

Пашка сделал шаг вперёд, но его ноги дрожали. Он смотрел на Лиду, на её нож, на кровь на лезвии — и не мог двинуться.

— Я… я не могу…

— Трус! — Глеб толкнул его в сторону и бросился на Лиду сам.

Они сцепились.

Глеб был сильнее. Опытнее. Его нож двигался быстрее, точнее. Лида едва успевала уклоняться — раз, два, три. Четвёртый удар пришёлся в плечо — туда же, куда ударила монтировка. Боль была такой, что в глазах потемнело.

— Сейчас, — прошипел Глеб, занося руку для последнего удара. — Сейчас я тебя…

— Не-е-ет!

Сергей поднялся.

Он не знал, откуда взялись силы. Может быть, от крика Лиды. Может быть, от запаха крови. Может быть, от того, что в двух шагах от него убивали его жену.

Он бросился на Глеба сзади, обхватил его за шею, повалил на землю. Они покатились по листве, хрипя и матерясь. Глеб пытался ударить ножом, но Сергей держал его руку — сжимал запястье так, что кости хрустели.

— Лида! — крикнул Сергей. — Лида, быстрее!

Лида подбежала, но не могла ударить — Глеб и Сергей крутились в клубке тел, она боялась попасть в мужа.

— Бей! — крикнул Сергей. — Бей!

— Не могу! — закричала она в ответ.

— Я держу его! Бей!

Она занесла нож.

И в этот момент дверь бункера распахнулась.

Из темноты вылетел Андрей. С топором. Он не кричал, не угрожал — просто молча бросился в схватку.

Удар топором пришёлся Глебу в плечо — не смертельно, но достаточно, чтобы тот взвыл и ослабил хватку. Сергей откатился в сторону, тяжело дыша.

— Тварь! — взревел Глеб, пытаясь встать. — Тварь, я тебя…

Андрей не дал ему договорить. Он ударил снова — ногой в грудь, отбросил Глеба на землю, наступил на руку с ножом.

— Лежать, — сказал он. — Будешь дёргаться — убью.

Глеб замер.

Зоя стояла в стороне, прижимая раненую руку, её монтировка валялась в листве. Пашка и вовсе убежал — Лида видела, как его тень мелькнула между деревьями и пропала.

— Свяжи их, — сказал Андрей Лиде. — Верёвка за дверью.

Она кивнула, шагнула к бункеру, но ноги подкосились — сказалась боль в плече, потеря крови, усталость. Она рухнула на колени.

— Лида! — Сергей подполз к ней. — Лида, ты как?

— Жива, — прошептала она. — Жива.

Он обнял её. Прижал к себе, грязный, окровавленный, дрожащий. Обнял так, как обещал — до хруста костей.

— Всё хорошо, — шептал он. — Всё хорошо. Я здесь. Я с тобой.

Андрей смотрел на них. На бывшую жену. На её мужа. На то, как они держатся друг за друга, как сильно они любят друг друга.

— Андрей, — позвала Лена из бункера. — Андрей, что там?

— Всё кончено, — ответил он. — Они никуда не денутся.

Андрей обернулся к двери. В проёме стояла Вера — бледная, с красными от слёз глазами. Она сжимала в руках нож. Дрожала, но держалась прямо.

— Вера? — Лида поднялась, подошла к дочери. — Вера, всё хорошо, мы вернулись!

Вера смотрела на мать. Губы её дрожали, слёзы катились по щекам, но она молчала. Плечи вздрагивали от беззвучных рыданий.

— Вера, — Сергей подошёл ближе, взял дочь за плечи. — Доченька, я здесь!

— Надя… — прошептала Вера.

— Что… что с Надей?

Вера подняла на него глаза. Полные ужаса. Полные боли.

— Она в комнате, — прошептала Вера. — Её… её нельзя трогать.

— Что значит — нельзя? — Лида схватила дочь за руку. — Вера, что случилось?

Глава 24.

Вера стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодной бетонной стене. Мвленький нож в её руке дрожал, она сжимала его так сильно, что костяшки пальцев побелели. Лицо было мокрым от слёз, глаза красными, опухшими.

Лида опустилась перед ней на колени, взяла её за плечи.

— Вера, — голос матери был твёрдым, но в глазах стоял страх. — Вера, смотри на меня. Что случилось? Где Надя?

Вера всхлипнула. Попыталась взять себя в руки, но слова вырывались сбивчиво, как будто она боялась, что если не скажет сейчас — не скажет никогда.

— Там... у Лены есть собака. Рекс.

— Собака? — переспросил Сергей, подходя ближе.

— Она заражённая, — Вера вытерла слёзы тыльной стороной ладони. — Лена не разрешала её убить. Сказала, что Рекс — член семьи. Заперла его в дальней комнате.

Лида слушала, не перебивая. Лицо её становилось каменным.

— А потом, когда ты уехала... — голос Веры сорвался, она сглотнула, заставила себя продолжать. — Надя открыла дверь.Она … она же маленькая, она не понимала... Рекс… Он укусил её за руку.

— Куда? — Сергей шагнул вперёд. — Куда укусил?

— В руку, — Вера показала на своё предплечье. — Я пыталась отогнать его, но он рычал... Но я… я смогла запереть его снова… Потом Лена прибежала, закрыла Надю в комнате... Сказала, что нельзя выпускать, потому что она заражена...

Вера замолчала. Плечи её вздрагивали.

Лида поднялась. Повернулась к коридору. В конце, за поворотом, была дверь. Простая железная дверь, обитая ржавым металлом.

Она пошла туда.

Сергей — за ней.

Дверь была закрыта на щеколду снаружи, выйти Надя не могла, но зайти можно было в любой момент.

Из-за двери доносился плач. Тонкий, надрывный, детский.

— Надя! — Лида прижалась лицом к холодному металлу. — Надя, это мама! Я здесь!

Плач на секунду затих. Потом раздался слабый, дрожащий голос:

— Мама? Мамочка, это ты?

— Я, маленькая. Я рядом. Слышишь?

— Мне больно... — Надя всхлипнула. — Мамочка, я боюсь... он укусил меня... там кровь...

— Всё будет хорошо, — Лида говорила, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты сильная. Мы что-нибудь придумаем.

Она положила руку на щеколду.

— Мама, — Вера подошла сзади. — Мама, не заходи. Пожалуйста.

Лида замерла.

— Там Лена сказала... она сказала, что если зайти — можно заразиться.

В этот момент из глубины бункера вышла Лена. Худая, с острыми чертами лица, она двигалась бесшумно, как тень. Остановилась в двух шагах от Лиды, скрестила руки на груди.

— Не заходи, — сказала она холодно. — Она заражена. Если войдёшь — сама превратишься. А мне не нужен ещё один труп в бункере.

Лида медленно повернулась к ней. Глаза её горели.

— Почему у вас в бункере заражённое животное? — голос Лиды был тихим, но в нём слышался металл. — Как вы могли?

— Это не твоё дело, — Лена не отвела взгляда. — Ты вообще тут никто. Тебя никто не звал. Ты притащилась сама, привела детей, навлекла на нас бандитов. А теперь ещё и претензии высказываешь?

— Мою дочь укусила твоя собака, — Лида шагнула к Лене. Сергей положил руку ей на плечо, но она стряхнула её.

— Твоя дочь сама полезла, куда не надо, — Лена не отступила. — Рекс — член семьи. А вы — чужие. И никто вас не ждал.

— Лена, хватит, — раздался голос Андрея. Он вышел из тени, встал между женщинами. — Не сейчас.

— А когда? — Лена усмехнулась. — Когда её дочь сдохнет и нам придётся убить её, а потом закапывать в лесу?

— Я сказал — хватит, — голос Андрея стал жёстче.

Лена посмотрела на него, потом на Лиду, потом развернулась и ушла в глубину бункера. Хлопнула дверь.

Андрей повернулся к Лиде.

— Я убью собаку, — сказал он. — Это я виноват. Я должен был сделать это раньше.

Он взял нож и пошёл в дальнюю комнату.

Лида смотрела ему вслед. Сергей обнял её за плечи. Вера стояла рядом, вцепившись в мамину куртку.

Из-за двери снова донёсся плач Нади.

— Мама... мама, не уходи...

— Я здесь, — Лида опустилась на колени перед дверью. — Я здесь, маленькая. Я никуда не уйду.

Через минуту из дальней комнаты раздался глухой удар. Потом тишина.

Андрей вышел. Лицо бледное, глаза усталые.

— Простите, — сказал он, не глядя на Лиду. — Я не уследил. Я должен был убить его раньше.

— Собаку? — спросил Сергей.

— Да. Рекс был заражён. Лена не разрешала... Говорила, что Саша, наша дочь, расстроится. Что он не опасен, пока заперт. Я слушал её. Я виноват.

Он поднял глаза на Лиду.

— Лида... я прошу тебя. Не заходи туда.

— Она моя дочь, — сказала Лида.

— Знаю, — Андрей подошёл ближе, говорил тихо, чтобы никто не слышал. — Но если она заражена — ты умрёшь. А если ты умрёшь — кто позаботится о Вере? Твой муж и дочь не могут потерять вас обеих.

Лида посмотрела на старшую дочь. Вера стояла, прижавшись к стене, сжимая нож. Глаза красные, но она не плакала. Старшая. Она должна была держаться.

Сергей взял Лиду за руку.

— Он прав, — сказал он. — Подожди. Может быть, она справится. Есть шанс на иммунитет. Я слышал такие истории. Видел людей, которые выживали после укуса.

— А если нет? — прошептала Лида.

Сергей не ответил. Он просто сжал её пальцы и не отпускал.

Из-за двери снова донёсся голос Нади. Слабый, срывающийся на всхлипы:

— Мама... мама, ты здесь? Не уходи... я боюсь одна...

Лида опустилась на пол. Села прямо на бетон, прислонившись спиной к двери.

— Я здесь, маленькая, — сказала она. — Я рядом. Слышишь? Я не уйду. Я буду здесь, сколько нужно.

Надя всхлипнула. Потом тихо сказала:

— Мама... а папа здесь?

— Здесь, — Сергей опустился рядом с Лидой. — Папа здесь, Надя. Мы оба здесь.

— А Вера?

— И я здесь, — Вера подошла, села с другой стороны матери. — Мы все здесь. Ты только не бойся.

Надя замолчала. Плач стих. Слышно было только её частое, испуганное дыхание.

Лида закрыла глаза.

В голове крутились обрывки мыслей. Собака. Укус. Лена с её холодными глазами. Андрей, который просит не заходить. Сергей, который верит в иммунитет.

Она открыла глаза и посмотрела на ручку двери.

Она могла открыть её прямо сейчас. Встать, открыть щеколду, переступить порог, обнять свою младшую дочь, которая сидела одна в темноте, боялась и плакала.

Но она не вставала.

Потому что знала — если Надя заражена, если вирус уже внутри неё, то поцелуй, её объятия, её дыхание — всё это может убить. Её саму.

А если умрёт и она, то что будет с Верой?

Сергей обнял её за плечи. Вера прижалась к ней с другой стороны.

Они сидели втроём у двери, за которой их младшая ждала чуда.

— Надя, — тихо сказала Лида. — Ты только держись. Пожалуйста. Держись ради меня. Ради папы. Ради Веры. Мы здесь. Мы тебя не бросим.

Надя не ответила.

Только всхлипнула.

И тишина снова опустилась на бункер.

Лида ждала.

А в голове стучало одно слово, как молот:

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…»

Глава 25.

Время в бункере остановилось.

Лида сидела у двери, прислонившись спиной к холодному бетону. Сергей и Вера были рядом — отец обнимал старшую дочь, прижимая её к себе, гладил по голове. Вера не плакала. Она смотрела на дверь и слушала.

Из-за двери доносилось тихое, прерывистое дыхание Нади. Иногда — всхлип. Иногда — шёпот, разобрать который было невозможно.

Лида закрыла глаза.

Ей казалось, что она слышит не только Надю, но и что-то ещё. Голос из другой жизни.

Она начала петь.

Тихо. Почти беззвучно. Так, чтобы слышала только та, кто была за дверью.

— Спи, моя радость, усни...

Сергей поднял голову. Посмотрел на неё.

— В доме погасли огни...

Вера замерла. Она узнала эту песню. Мама пела её им обеим, когда они были маленькими. Когда мир ещё не рухнул. Когда можно было не бояться темноты.

— Пчёлки затихли в саду, рыбки уснули в пруду...

Из-за двери — тишина. Надя перестала всхлипывать.

— Месяц на небе блестит, месяц в окошко глядит...

Лида пела, не открывая глаз. Слёзы текли по её щекам, но голос не дрожал. Она вкладывала в эти слова всё, что осталось — любовь, боль, надежду, отчаяние.

— Спи, моя радость, усни...

Надя вздохнула. Глубоко, ровно. Она засыпала.

Лида замолчала.

Тишина стала совсем густой.

Вера почувствовала, что мама встала, только когда та уже отошла от стены.

— Мама? — шёпотом позвала Вера.

Лида не ответила.

Она стояла перед дверью. Щеколда — старая, ржавая — ждала её прикосновения.

— Лида, — Сергей поднялся. — Что ты делаешь?

Она не обернулась.

— Лида, не надо.

Она положила руку на щеколду.

— Прошу тебя, — голос Сергея дрогнул. — Не заходи. Есть шанс. Она может выжить.

Лида повернула голову. Посмотрела на мужа. На старшую дочь, которая стояла рядом с ним, сжимая нож, не понимая, что происходит.

— Я не могу, — сказала Лида. — Не могу сидеть здесь и слушать, как она плачет. Не могу ждать, когда она умрёт одна, в темноте, без меня.

— Если ты зайдёшь — ты умрёшь, — сказал Сергей.

Лида посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Тогда я умру.

Сергей шагнул к ней, схватил за руку.

— Нет. Нет, Лида. Вера останется без матери. Я не справлюсь один.

— Справишься, — Лида мягко высвободила руку. — Ты сильный. Ты позаботишься о ней.

— А ты?

— А я позабочусь о Наде.

Она открыла щеколду, нажала на ручку. Дверь открылась.

— Лида! — крикнул Сергей.

— Мама! — закричала Вера.

Из глубины бункера прибежал Андрей. Он услышал крики.

— Лида, стой!

Она не остановилась.

Она переступила порог.

— Я рядом, — сказала она тихо, закрывая за собой дверь. — Слышишь, Надя? Я рядом.

В комнате было темно.

Только тусклый свет пробивался из-под двери, выхватывая из темноты очертания старой кровати, стены, маленькую фигурку, свернувшуюся калачиком на матрасе.

Надя спала. Лицо её было бледным, на руке — повязка, пропитанная кровью.

Лида подошла, села на край кровати. Погладила дочь по голове. Волосы спутались, липкие от пота.

— Маленькая моя, — прошептала Лида. — Я здесь.

Надя не проснулась. Дышала тяжело, но ровно.

Лида легла рядом. Обняла её, прижала к себе, как делала, когда Надя была совсем крохой. Положила голову на подушку рядом с дочерью.

Закрыла глаза.

Снаружи, за дверью, кричали. Сергей бил кулаками в железо. Андрей пытался открыть дверь, но она не поддавалась — Лида заперла её изнутри. Вера звала мать.

— Мама! Мама, открой! Мамочка, пожалуйста!

Лида слышала их. Но не отвечала.

Она чувствовала, как сердце Нади бьётся рядом с её сердцем. Два сердца. Мать и дочь.

— Всё будет хорошо, — прошептала Лида в светлые волосы Нади. — Мы будем вместе. Что бы ни случилось — мы будем вместе.

Она вспомнила тот день, когда впервые взяла Надю на руки. Маленький, тёплый, пахнущий молоком комочек. Она поклялась тогда, что никогда не оставит её. Что будет защищать её до последнего вздоха.

Пришло время сдержать клятву.

Снаружи крики стихли. Только тихий, надрывный плач Веры доносился из-за двери.

Лида закрыла глаза.

— Спи, моя радость, усни, — прошептала она.

И тишина поглотила их обоих.

Сергей сидел на полу, прислонившись спиной к двери. Вера плакала у него на плече. Андрей стоял рядом, опустив голову.

— Она заперлась, — сказал он тихо. — Я не могу открыть.

— Она сделала свой выбор, — голос Сергея был глухим, как будто доносился из-под земли.

— Мы могли бы…

— Ничего мы не могли бы, — Сергей поднял голову. Глаза его были сухими. — Она её мать. Она не могла по-другому.

Вера подняла лицо, мокрое от слёз.

— Папа, — прошептала она. — Мама умрёт?

Сергей не ответил.

Он смотрел на дверь, за которой осталась его жена и младшая дочь.

— Папа, — повторила Вера.

Сергей обнял её крепче.

— Не знаю, — сказал он. — Я не знаю.

Андрей отвернулся. Прислонился лбом к холодной стене.

— Простите меня, — сказал он тихо. — Это я виноват. Я не убил собаку. Я не уследил.

— Не оправдывайся, — Сергей покачал головой. — Это не ты укусил Надю. Не ты выпустил пса. Виноваты мы все. И никто.

Вера прижалась сильнее к отцу. Слёзы всё ещё текли по её щекам, но она не вытирала их. Она смотрела на дверь.

За дверью было тихо и лишь мамин голос разрезал тишину.

Мама пела.

Тихо, едва слышно.

— Спи, моя радость, усни…

Вера закрыла глаза и прижалась к отцу.

Она знала — что бы ни случилось, мама теперь с Надей. И если Надя умрёт — она умрёт не одна.

А если выживет — мама будет рядом.

И это было всё, что имело значение.

Глава 26.

Бункер затих.

Не той тишиной, которая приносит покой, а той, которая наступает после бури — когда все крики сорваны, слёзы выплаканы, а силы кончились. Сергей сидел у двери, прислонившись спиной к бетону. Вера лежала у него на коленях, свернувшись калачиком. Она не спала — просто лежала с открытыми глазами, слушая, что происходит за дверью.

А за дверью было тихо.

Андрей ушёл проверять Глеба и Зою — связанные, они лежали снаружи у входа. Лена заперлась в своей комнате с Сашей. Девочка плакала, не понимая, что происходит, почему мама такая злая и почему все кричат.

Лида не выходила.

Она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.